

Настоящий рассказ основан на действительных фактах; все приводимые данные давно рассекречены и опубликованы в открытой научной периодике 1990—2000 гг. Имена исторических персонажей сохранены, ныне живущих и главного героя — изменены. (Автор)

Г Гиколай Андреянович, давешний наш знакомец, сразу после пресловутого миллениума оставил-таки долгую и беспорочную работу в НПО «Меткость», хотя среди сотрудников трижды орденоносного флагмана бывшего военно-промышленного комплекса страны в моде было иметь всего две записи в трудовой книжке: поступил после школы, профтехучилища или института – уволился по собственному желанию через десять лет после исполнения пенсионного возраста. И всё: подпись кадровика, печать. И хотя Андреяновичу, как его после пятидесяти лет стали звать молодые сотрудники отдела, до пенсии было еще семь лет, но... уволился. Дело даже не в слишком высокой зарплате, к чему в его семье попривыкли, а просто пропал интерес к прежде столь увлекшей его конструкторской работе – явное следствие общего климата в НПО. Вяло доделывались изделия, начатые еще в советское время, а новых разработок не начинали: никто «сверху» не предлагал, финансирование отсутствовало. Даже предоставленное предприятию почетное право самому вести дела с зарубежными заказчиками из Эмиратов, Сирии и других арабских стран оптимизма не прибавляло. Опять же среди работающих и руководящих на рубеже веков и тысячелетий произошло классовое расслоение: несколько десятков привилегированных зарплату получали в мешках, которую и отвозили домой в сопровождении вохровского (а кое-кто и личного) охранника, а остальные пять-шесть тысяч инженеров и рабочих — сунув несколько крупных кредиток (после деноминации и дефолта) в нагрудный карман пиджака... Как говорится, что положено Зевсу, то не положено быку. Бывшие советские инженеры любили щеголять интеллигентскими присказками от латыни.

Собрав в «бегунке» все необходимые подписи, Николай Андреянович отправился в отдел кадров, попутно отметив небольшую очередь к кадровикам, причем состоявшую из молодых специалистов. На правах старослужащего протянул свои бумажки старшему инспектору по кадрам через голову несостоявшихся инженеров. Те, правда, вежливо расступились, пропустив его к барьеру.

— А вы-то, Николай Андреянович, пошто увольняетесь? — изумилась почтенная Таисия Егоровна, более четверти века назад принимавшая его, выпускника местного технического института, на работу, правда, на другом предприятии: Центральном КБ агрегатостроения.

Из дальнейшего разговора выяснилось: массовый отход «за ворота» молодежи объяснялся тем, что Минобороны буквально на днях снял бронь с НПО, равно как и почту со всех предприятий бывшего ВПК страны. То есть если раньше молодые выпускники все того же института, теперь университета, поступали в «Меткость» и рассеянно щелкали по клавишам компьютера до достижения двадцатисемилетнего возраста, а потом тотчас, в день рождения, увольнялись и шли в офисники-коммерсанты, то теперь это делают, не заходя в НПО, другие КБ-НИИ и заводы-фабрики. Выслушав рассказ Таисии Егоровны, Николай Андреянович на один миг почувствовал себя дезертиром с трудового фронта.

* * *

оскольку наш знакомец, словно предчувствуя что-то кардинальное в своей судьбе-работе, еще пару лет назад защитил кандидатскую диссертацию в совете при НПО «Меткость», то без труда устроился доцентом на военно-конструкторский факультет все того же родного университета. На факультете почти половина преподавателей ранее трудилась в «Меткости», поэтому Николай Андреянович как бы и не уходил с родного предприятия, а, например, перешел в другой отдел... Однако в курилке, возобновляя знакомство, все же поязвили в отношении «Меткости», теряющей свои кадры. Язвили не злобно, даже с

легкой ностальгией, но ведь все знают эту черту доброго нашего народа: отрезанный и съеденный ломоть всегда каравай бранит.

Попривыкнув за семестр и почти вольной жизни университетского «препода», как их за глаза называют нынешние студиозусы, Николай Андреянович всерьез задумался над неожиданным приглашением из самостийного Харькова: приехать на научную международную конференцию по профилю бывших совместных работ на несокрушимую и непобедимую советскую армию. Понятно, что теперь тема ученого собрания носила сугубо конверсионный характер с дружественной политкорректностью.

То есть за Белгородом и ближней границей Николая Андреяновича ждали старинные знакомцы, главное — конференция была посвящена юбилею профессора и академика Валентина Леонидовича Просвирнина, бессменного руководителя радиоконструкторского НИИ, большого друга и генерального «Меткости», ректора университета. Ведь некогда постсоветский теперь мир был очень тесным...

А ректор, тоже, конечно, получивший приглашение, по неделям бившийся в Москве с минвузовскими чиновниками, поехать не мог, потому поручил нанести визит декану военно-конструкторского факультета с парой своих сотрудников. Понятно, что Николай Андреянович, похваставший приглашением, автоматически был включен в бригаду. Хотя в душе несколько и поморщился, попривыкнув к сидячей жизни без ненужных сейчас на предприятиях командировок (в своем соку все варятся, как одноименные рыбные консервы), но тут же и взбодрился. Тем более – новоиспеченному доценту негоже ректора и декана ослушиваться. Да и любопытно: как там жизнь у незалежных? Опять же супруга, полухохлушка, никогда на Украине не жившая, очень интересовалась.

...Уже вернувшись из командировки, Николай Андреянович за поздним ужином, прямо с харьковского поезда, рассказывал жене: дескать, жизнь, как и у нас, в общем, как и прежде, только по-русски говорят, а что в Киеве и у западэнцев происходит — их мало волнует. Получалось из его слов, что самое занимательное — это пересечение на поезде границы с украинской стороны; такие спектакли самостийные погранцы устраивают! Ну, да читатели все это хорошо знают: по собственному опыту или из прессы и телеящика. Как, например, вывоз в Россию куска сала или сыра свыше четырехсот граммов — подрыв экономической самостоятельности. И так далее. Еще Николай Андреянович сказал, что видел «живьем» изобретателя водородной бомбы и управляемого термоядерного синтеза — из бывших младших сержантов. Но супруга уже начала мыть посуду и слова пропустила мимо ушей. К тому же наукой и техникой она сугубо не интересовалась.

* * *

Грибывших с Украины иногородних кон-Д ферентов и гостей из России, Белоруссии, даже кое-кого из настоящей заграницы разместили по весенне-летнему времени со скромным комфортом в загородном пансионате-турбазе госуниверситета. На заседания конференции возили на автобусе – одного на всех хватило. Опять же заседания проводились в университете, ибо НИИ Просвирнина продолжало считаться оборонным. Из культурной программы любитель классики Николай Андреянович выбрал знаменитый оперный театр (давали неуместную вроде как в самостийной «Хованщину»), автобусную прогулку по достопримечательностям довоенной столицы Украины и, конечно, заключительный банкет.

От т-ой делегации с основным докладом выступал декан, а профессор Сергей Яковлевич Расстригин и Николай Андреянович кратко доложились на одном из секционных заседаний. На второй день конференции, пообедав в перерыве между пленарными заседаниями в университетской столовой, в оставшиеся до начала докладов четверть часа Николай Андреянович прогуливался в компании двух давних знакомцев из НИИ Просвирнина по вестибюлю перед актовым залом, вспоминая былые дни, когда харьковские гости по неделе-другой «зависали» в кабинетах и конструкторских залах «Меткости», а вот Николаю Андреяновичу — по малости его чина — в

Харькове побывать не удавалось; только из окна поезда видел, направляясь с семьей на черноморский отдых.

- Смотри, перебил один из харьковчан рассуждения Николая Андреяновича об особенностях нынешнего российского высшего образования, в частности, об обезьянническом введении квалификаций бакалавр-магистр, никак сам Игорь Алексеевич на сегодняшнее заседание пришел. Давно его не видел, а все таким же молодцом! И по-прежнему в Институте физики плазмы¹ ведущим научным сотрудником работает.
- А кто это? И Николай Андреянович внимательно осмотрел бодрого старичка лет семидесяти пяти в аккуратном костюме-тройке, с пластиковой папочкой под мышкой, неторопливо подходившего к дверям актового зала. А фамилия его как?
- Ах, да у вас в России его фамилия Прокофьев пока еще малоизвестна, хотя статью о нем я намедни видел в свежем номере «Успехов физических наук»², но ты, Андреяныч, как профи-конструктор, всяких там физиков-теоретиков не читаешь... А Игорь Алексеевич двойной крестный отец мирового масштаба: изобретатель водородной бомбы и управляемого термоядерного синтеза, то есть токамака достославного...
- Постой, постой, Васильич, прервал Николай Андреянович, принимая услышанное за особый харьковский юмор, какой изобретатель? А Курчатов, Сахаров, Харитон... Кто там еще? Тамм и Зельдович, кажется?
- А вот так. Конечно, бомбу и токамак делали десятки и сотни институтов и конструкторских бюро и названные тобою авторитеты, в науке, конечно... Вот жизнь пошла: говоришь слово, а оно по-нынешнему уже другой смысл имеет! Так они, команда Курчатова, всю ядерную физику, разумеется, перелопатили и руководили конкретным созданием водородной бомбы и токамака, а вот основополагающие идеи по ним, по их устройству и принципу работы практически из ничего придумал Игорь Алексеевич тогда с семиклассным образованием и солдат Советской армии...

На этом его прервал вестибюльный звонок, приглашая на вечернее пленарное заседание.

— Вот что, Андреяныч, у нас же сегодня ответный визит: небольшим коллективом едем ужинать к вам на турбазу, там и заночуем. Так что будет время рассказать о нашем уникуме. Пошли заседать!

три года и невеликое воинское ефрейторское звание, радиотелеграфист Игорь Прокофьев успел по-

участвовать в войне, уйдя на нее восемнадцатилетним добровольцем в последний год, потому воевал в Прибалтике. После Победы только на неделю приехал в Псков к родителям, а далее еще на пять долгих лет отправился дослуживать на Сахалин, только что освобожденный от японцев.

Мать, Александра Федоровна, работавшая медсестрой в городской больнице, и отец, Алексей Николаевич, служивший в горкомхозе, и обрадовались приезду сына, и огорчились новой разлукой — правда, уже без войны. Игорь же дал себе слово: вернувшись с действительной — жить вблизи родителей. Но получилось, что дальше он виделся с ними только наездами... Человек полагает, а бог располагает.

В своей части он был далеко не единственным, а одним из многих, позвякивавших боевыми медалями на гимнастерках; кое-кто имел и ордена. Игорь прибыл на Сахалин в определенный ему гарнизон с медалью «За победу над Германией», а в сорок восьмом году, когда добровольно-принудительно стал сверхсрочником, вместе с двумя лычками на погоны³ получил и «ХХХ лет Советской Армии». Во всяком случае, курносому «унтеру» лихо первыми отдавали честь бойцы первых послевоенных призывов.

После войны любая мирная служба хороша, а у избалованного климатом псковского уроженца со скромным, особенно в военное лихолетье, семейным достатком жизнь на всем готовом протеста и душевного неустройства не вызывала. Жаркое, но не знойное лето, относительно короткая маломорозная зима, долгая золотая осень и бурная весна, изобилие

ранее не виданной красной рыбы — кеты и горбуши — даже в солдатском рационе. Уха из кеты на обед, жареная горбуша с картофельным пюре на ужин. Главное — не приедалась краснорыбица. Как и хлеб отменной гарнизонной выпечки.

...Пожалуй, что и кривил слегка душой Игорь, сообщая в письме родителям о почти приказном переводе в сверхсрочники. Многие кадровые, вкусившие от войны, продлевали свое пребывание в армии. Благо, это встречало живейшее понимание начальства. Имелось указание высшего командования как можно дольше удерживать боевых солдат и сержантов на службе. Послевоенные десантники так вообще по семь лет отслужили. Начиналась «холодная» война с Западом, армия должна быть боеспособной и многомиллионной. Опять же потенциальные призывники второй половины сороковых годов были нужнее на гражданке: старшие поколения повыбиты войной, а нужно в кратчайшие сроки восстановить страну, подготовить сотни тысяч, даже миллионы специалистов — от фабзайцев⁴ до инженеров, врачей, учителей. И сами бойцы, уходившие на сверхсрочную, особенно хорошо знавшие жизнь бывшие крестьяне и горожане во втором поколении, к таковым и относился Прокофьев, зачастую не неволею, но охотой продлевали военную жизнь. Все они после Победы побывали в отпусках в родных местах: разруха, голод в деревнях, в городах карточки, тяжелая работа по восстановлению, всеобщая неустроенность, воровство и бандитизм... Конечно, патриотизм, долг партийца и комсомольца все это присутствовало в молодых душах, но человек есть человек. Да и не отсиживаются они в каптерках и камбузах, а несут напряженную, без поблажки службу. А к дисциплине еще на войне попривыкли.

Поначалу службы на Сахалине Игорю становилось неловко, когда вспоминал о родителях в полуразрушенном Пскове, но уже через год поуспокоился, читая письма из дома, а в семье их не было принято что-то утаи-

вать даже из самых добрых побуждений; Алексей Николаевич и Александра Федоровна родом из крестьян Псковской губернии и уже взрослыми людьми, хотя и молодыми еще, каждый порознь, перебрались в город на втором году советской власти. Там и встретились, поженились, а летом двадцать шестого года явился на свет сын: курносый и темноволосый – в коренную псковитянку-мать. Назвали его по-городскому; имя Игорь было тогда в моде, как несколько позже по «красным святцам» популярными стали немецкие имена: Альфред, Адольф, Генриэтта, даже Рем. Германия долгое время полагалась следующей страной советов... А из незатейливых и нелукавых писем матери Игорь чувствовал: жизнь на «Большой земле» стала налаживаться, благо родители были при твердой работе и дом, где они издавна квартировали, в войну совсем не пострадал. Дядька отца занял хорошую должность в горисполкоме, помогал чем мог.

Сам же Игорь зажил по-армейски уютно. Строевой, как ветерана, не заматывали, а служба радиотелеграфиста и вовсе не пыльная: знай себе морзянку стучи и не ошибайся при приеме, но слух у него был хороший, почти музыкальный, на гармошке поигрывал иногда, не на своей. Главное — телеграфная служба вахтовая: полусутки, с двумя перерывами на еду, в аппаратной, вторые — свободен. А если вахта ночная, то к телеграфному ключу и вовсе редко приходится прикасаться, просто наушники с заглушками из мягкой пористой резины нельзя снимать, а при появлении «точек-тире» записать принятый текст и передать через посыльного рядового дежурному офицеру узла связи. Но и это за ночь только пару-тройку раз случалось. Все привыкают к мирной жизни: и бойцы, и офицеры. Вот только генералы и адмиралы по ночам не спят из числа ответственных за округа, флота и соединения; им ведь запросто могут в три часа ночи позвонить Булганин, Василевский, Рокоссовский... а то и сам Иосиф Виссарионович.

И не только времени свободного или почти свободного — на ночной вахте — прорва, но и житейской сутолоки нет. Как сменным дежурным по узлу связи дивизии, им с младшим же сержантом Петром Полуяновым не в казарме, а в том же здании узла положена жилая комната

на двоих; рубка, как принято говорить у связистов. А поскольку с Петром они виделись только два раза в сутки на приеме-сдаче вахты, то считай что как у женатых офицеров: личная комната; с большим окном, двумя кроватями — и не в ярусы, как в казарме, а особняком. Вместо тумбочек — поместительный шкаф-комод, трофей от японцев; правда, замысловатые картинки и иероглифы закрашены лаковой краской светло-коричневого цвета. Главная роскошь — неведомо как сюда попавший двухтумбовый стол. а при нем прочнейший стул с полумягким сиденьем и высокой резной спинкой. Связисты из старослужащих поговаривали, что до устройства в здании узла связи здесь короткое время обитала какая-то трофейно-интендантская часть. Вовсе не портили интерьер и домашность комнаты окрашенные синей масляной краской в рост человека стены, беленый потолок с матовым плафоном светильника, лампа с «ленинским» абажуром на столе и покрытый черным дерматином топчан. Раньше он предназначался для подсменного телеграфиста, но потом эту должность отменили и ввели посыльного рядового, который квартировал уже в своей казарме.

В гарнизонах свято место пусто не бывает, поэтому топчан избрал себе для проживания здоровенный рыже-полосатый кот Самурай, прописавший себя на житье и прокормление к узлу связи при разделе соплеменниками территории части. Из всех четырех жилых комнат здания он выбрал рубку сержантов-телеграфистов как наиболее уютную и малолюдную. Ночью Самурай уходил по своим котовским делам, а днем спал на топчане, поближе к раскаленной (зимой) печке-голландке, выходившей четвертью черного железного цилиндра по углам четырех же смежных комнат. Топка печи располагалась в комнате радистовремонтников. Прямо над топчаном к стене были принайтованы строгие военно-морские часы – круглые, размером с суповую миску и с двадцатичетырехчасовым делением обегаемой стрелками окружности циферблата. В морозные ночи и позднеосенние дожди Самурай спал на топчане круглые сутки с двумя перерывами на еду.

Еще в рубке имелась радиоточка-репродуктор.

еще два важных для молодого человека вопроса решилост Во честь вопроса решилось. Во-первых, как сержант-сверхсрочник он был поставлен на денежное довольствие. Это его первая в жизни «зарплата». Во-вторых, решился вопрос с продолжением образования, которое ранее ограничилось окончанием седьмого класса в Пскове за несколько дней до начала войны. Гарнизон их военной части располагался в километре от промышленного поселка, где имелась вечерняя школа для рабочей молодежи. Поразмыслив, в январе сорок восьмого года он написал рапорт командиру батальона, предварительно заручившись согласием начальника узла связи капитана Грищенко, благоволившего к старательному сержанту, а по войне и вовсе однополчанину: оба воевали в Прибалтике.

Комбат, майор Нестеров, в это время исполнял обязанности командира полка, убывшего в Ленинград на годичные курсы при Академии связи имени Семена Михайловича Буденного, то есть фактически начальствовал над гарнизоном, где размещался полк технического обслуживания и кой-какие вспомогательные подразделения. Остальная дивизия была разбросана по военным городкам в радиусе тридцати километров. Получив через штаб рапорт младшего сержанта Прокофьева и прочитав его, вызвал замполита Егорова:

- Вот, Виктор Феодосьевич, старослужащие наши уже третий рапорт о разрешении учиться в вечерней школе подают. Как полагаешь?
- Ну-у, Матвей Григорьевич, мы и сами кто где упущенное за войну доучиваем. Почему бы и сержантам в гражданскую жизнь с аттестатами зрелости не выйти? Главное, чтобы службе не помешало.
- Согласен, значит. Я тоже к этому склоняюсь, но прежде побеседую со всеми тремя. Кстати говоря, завтра с утра я буду в узле связи, есть дело до Грищенко, вот и начну с Прокофьева. Кое-что о нем слышал от офицеровсвязистов и нашей библиотекарши: этот младший сержант в ее хозяйстве завсегдатай.

В десять утра следующего дня Игорь покойно спал сам-двое с Самураем, сменившись с ночной вахты. Раскаленная боковина голландки за-

полняла рубку пряным теплом. Только расписанное сплошным узором окно напоминало: на улице трещит еще не отошедший от ночи нешуточный январский мороз. Зима на Сахалине выдалась почти сибирской. Поэтому вестовому капитана Грищенко стоило трудов растолкать разоспавшегося млалшего сержанта:

Вставай, служивый, там тебя комбат требует!

Это подействовало, но не успел Игорь перепоясать гимнастерку ремнем, как в растворенную вестовым дверь вошел и сам комбат Нестеров, полуобернувшись в коридор и кому-то, вроде как Грищенко, на ходу говоря:

— ...Не заблужусь, чай, в трех соснах, то есть в четырех комнатах. Не усердствуй по обыденным делам, лучше со связистами своими разберись!

Сержант все же успел застегнуть ремень и даже бросить пальцы к пуговицам ворота гимнастерки, поздно сообразив: на ногах не сапоги, а войлочные обутки-тапки для времяпрепровождения в рубке.

- Здравия желаю, товарищ майор!
- Здорово, здорово, младший сержант, комбат, делая вид, что не замечает полудомашних обуток, махнул рукой тоже вытянувшемуся по струнке вестовому:
- Свободен. А ты, Прокофьев, вольно, расслабься, ты ведь с вахты, заслуженно отдыхаешь.

Комбат остановился посреди рубки, с интересом осмотрелся, а увидев потягивающегося на топчане, разбуженного и недовольного Самурая, восхитился:

- Так вот кто папаша нашего Сеньки, что дочка летом домой принесла. Ну и зверюга!
- Присаживайтесь, товарищ майор, слегка запоздало сержант отодвинул, полуразвернув, от стола знаменитый стул с высокой спинкой.

Нестеров кивнул, сел на стул, внимательно осмотрел стол с раскрытой общей тетрадью, авторучкой, «офицерской» линейкой, двумя справочниками с заложенными бумажками страницами: по физике и по математике. Стол вплотную примыкал к широкому подоконнику, использовавшемуся в качестве книжной полки, плотно уставленной школьными и ву-

зовскими учебниками, толстыми томами монографий, журналами по механике, молекулярной физике, электромагнетизму, ядерной физике.

- Слышал, что интересуетесь новейшей наукой. Где литературу-то берете?
- В библиотеке нашей части, товарищ майор, учебники. Иногда в поселковом когизе⁵ покупаю, но туда научную литературу редко завозят, поэтому чаще заказываю «книги почтой» из Владивостока и Хабаровска. Журнал «Успехи физических наук» по подписке на почте получаю...
- Что-то даже не слышал о таком. А почему именно им интересуещься?
- Так, товарищ майор, это основной физический журнал в СССР, именно в нем печатают все новейшие обзоры по ядерной физике.
  - А ты ядерной физикой интересуешься?
- Так точно, еще когда перед войной в седьмом классе учился в Пскове. Учитель физики у нас замечательный был, говорил, что будущее всей промышленности это ядерная энергетика. Меня он сразу выделил, давал книжки разные читать, назначал на уроках выступать с докладами по цепной реакции изотопов урана, разделении изотопов уран двести тридцать пять и уран двести тридцать восемь. И об атомной бомбе тогда уже писали. Сейчас продолжаю учиться.
- А не высоко берешь, сержант Прокофьев? Тут взводы и роты академиков, полки профессоров головы ломают, а ты... Впрочем, хватит! Нет такого солдата, который не хотел бы стать маршалом. Это Наполеон так сказал.

* * *

разговор затянулся почти на час, даже в полуотворенную дверь Грищенко дважды с любопытством заглядывал, но комбат отсылал его взмахом руки. Выяснилось, что Нестеров сам из учительской семьи, из Калуги. Отец математику преподавал, в доме их часто бывал Константин Эдуардович Циолковский, слушал собеседников, приставив к уху черную слуховую трубочку с раструбом наружу... В итоге комбат разрешил Прокофьеву посещать

поселковую вечернюю школу, а для общей пользы обязал его пару раз в месяц в рамках текущей учебы командного состава части читать лекции для офицеров по новинкам военной техники, в частности, по атомному оружию – из общедоступных источников, разумеется, по американским данным. На первых занятиях офицеры с легкой усмешкой посматривали на лектора, худощавого и курносого млалшего сержанта со слегка оттопыренными ушами. Состав же слушателей неявно делился на две части: молодые лейтенанты послевоенных выпусков военных училищ, но уже не ускоренного обучения, как в войну, а прошедшие полный курс, и старлеи и капитаны, заработавшие свои немногие звезды на погоны тяжелым ратным трудом, в том числе и окончившие училиша-скороспелки. Поскольку же полк являлся техническим, то уже со второготретьего занятия слушатели более не акцентировали внимание на двух лычках черных погон лектора, но с интересом слушали его.

Когда же Прокофьев рассказывал о параметрах и устройстве атомных бомб, сброшенных американцами на Хиросиму и Нагасаки, то офицеры шушукались: в войсках слухи быстрее, чем на черном базаре, распространяются. Хотя до 29 августа сорок девятого⁶ оставалось еще полгода. А как-то после окончания занятий Прокофьева попридержал в коридоре штабного здания капитан Новостроев из второго («чужого») батальона, дружелюбно пригласил сержанта-лектора в «свое хозяйство» по соседству попить чайку с вареньем, которое замечательно готовила на зиму домовитая супруга. А за чаем-вареньем, действительно превосходным, рассказал Игорю, уже переставшему смущаться общению – не по чину – с офицерами, как где-то по осени сорок пятого свел знакомство во Владике⁷, в гостинице военной КЭЧ⁸, с молодым лейтенантом-летчиком, а точнее штурманом. Выяснилось, что оба командированных, поселившихся в маленькой комнатке на двоих, земляки – из Тулы, даже общих довоенных знакомцев нашли...

А раз так, то ужинать пошли в приличный ресторан, переодевшись в непривычные пока парадные мундиры. Дело в том, что Георгий Константинович уже издал свой знаменитый

приказ: офицерам посещать рестораны не ниже второго разряда в соответствующей форме одежды. В пивные и забегаловки ни ногой! Лейтенант носил легкомысленную для его почти двухметрового роста фамилию Железкин⁹, а в конце ужина под большим секретом - «как офицер офицеру, земляку тем более» рассказал, что только что вернулся из побежденной Японии. В составе экипажа военнотранспортного «дугласа» по приглашению, с умыслом конечно, американских союзников возил в Хиросиму важных генералов из Москвы — смотреть на результаты атомной бомбардировки. Генералы ходили по пепелишу, еще местами дымившемуся, а экипаж за ним увязался: где еще такое увидишь воочию!

- Так сколько же они рентген нахватали? невежливо перебил Новостроева изумленный сержант.
- А кто их знает? Тогда ведь о радиации мало что знали.
  - И он... Железкин этот, сейчас жив?
- А куда он денется. Этим летом был с семьей в отпуске в Туле, и он туда же прикатил. Служит в Одесском военном округе, правда, уже не летает. И раз в год в госпиталь ложится на обследование и переливание крови. А так здоров как бык, вторую дочь на свет произвел. Но генералы кто умер, кто хворает сильно. Вот такие, брат, дела. Ты, конечно, интересно сегодня рассказывал о термоядерном синтезе в энергетике, в промышленности, но все же мы люди военные, поэтому будь добр одно из следующих занятий посвятить радиации как долгодействующему поражающему фактору. Другие офицеры тоже интересуются.

Расставшись с любознательным капитаном, Игорь поспешил в свой узел связи на полусменную вахту; занятий в вечерней школе сегодня не было. Учитывая, что теперь Прокофьев отвлекался на учебу и занятия для офицеров, Грищенко, по подаче сверху, утвердил новый график дежурств Прокофьева и Петра Полуянова, введя чередование сменных и полусменных вахт. Ближе к ночи Петруха и

сменил его. В мороз не хотелось из тепла злания бежать в круглосуточную дежурку столовой, поэтому в рубке достал из шкафа резервную банку тушенки, полбуханки ржаного, заварил чай, использовав самодельный кипятильник. Поел. не забыв про проснувшегося Самурая, сел за стол и раскрыл тетраль. В голове еще вертелись остатки разговора с капитаном Новостроевым, но он их усилием воли отложил «до лучших времен», вернувшись к всецело занимавшему его уже не первый месяц термоядерному синтезу. Тем более, что почти в каждом из получаемых им ежемесячных номеров «Успехов физических наук» содержалась обзорная статья по перспективам ядерной энергетики.

Уже приучившись читать между строк научные публикации по перспективной тематике. Игорь не сомневался, что и в СССР наряду с созданием атомной бомбы уже проектируются атомные энергоустановки и целые электростанции и в Америке многие участники Манхэттенского проекта переведены на «мирные рельсы». Но ведь на урановых реакторах не свет же клином сошелся? Опять же уран не кайлом или врубовой машиной в шахте добывается, как донецкий или воркутинский антрацит. За ним ведь надо побегать, потрудиться. Еще Маяковский писал про радий, что в граммы добыча, а в годы труды... Опять же не только технические задачи приходится решать, а нечто посложнее. Офицеры вот в курилке, в перерыве занятий шушукаются: мол, потому и Туву¹⁰ в самый разгар войны присоединили, что там залежи урана.

А для термоядерного синтеза топливо хоть из ближайшей водокачки или деревенского колодца бери! Главное препятствие здесь — это рабочие температуры, сравнимые с поверхностными на Солнце. Ни один материал на Земле такого не выдержит, расплавится тотчас. То есть все упирается в удержании шеститысячеградусной плазмы от соприкосновения с чем-либо кроме воздуха; впрочем, и последний здесь выгорает...

Школьную программу по физике он изучал по институтским учебникам Волькенштейна и Хвольвсона — что нашлись в полковой библиотеке, поэтому хорошо усвоил основные

принципы физического эксперимента: все новое надо стараться привести к аналогии с уже известным. Здесь Игорю, как работавшему с радиоаппаратурой, а в школе активному участнику радиокружка, в качестве такой аналогии на ум постоянно приходила обычная радиолампа. Тем более, что все устройство ее прекрасно просматривается через прозрачный стеклянный баллон: раскаленный катод испускает поток электронов, которые проходят через управляющие сетки, не касаясь никаких железок и стеклышек, и попадают на катод.

В школьные годы, имея дело только с обычными радиолампами из широковешательных приемников, нагревающихся во время работы, но не очень - в ладонь можно взять,-Игорь и не задумывался, что из себя представляет этот поток электронов. А вот в их узле связи стоят шкафы коротковолновых передатчиков типа «Победа» с киловаттами мощности на антенну. А от усилительных ламп ГУ-80 размером с двухметровый термос так и пышет жаром; внутри же стеклянного баллона как горящая дуга электросварки. Вот здесь-то он понял, что такое раскаленная плазма, в данном случае электронная. Но ведь, исключая испускающий катод и «принимающий» анод, эта плазма как бы висит и движется в вакууме баллона лампы, не касаясь, как в мощной ГУ-80, всех металлических и графитовых деталек.

Из прочитанных статей в физическом журнале и двух-трех специальных монографий, также выписанных им «книга - почтой» из Москвы, Игорь знал, что решение задачи удержания плазмы с солнечной температурой есть прямой путь к созданию термоядерного реактора и далее термоядерных электростанций. Идей предлагалось много, но все они зацикливались на сверхогнеупорах, как в урановых реакторах или, например, в доменной печи. Но поскольку шести тысяч градусов ни одно вещество на земле не выдерживает, то инженеры-физики придумывали самые сложные устройства «термоядерных котлов» с системами охлаждения стенок: от циркуляции жидкого азота до многослойных конструкций с постепенным «съеданием» слоев плазмой. Все это, как четко представлялось сержанту, не приближало к решению задачи. Когда ему

пришла в голову аналогия с радиолампой, Игорь заново очень тшательно просмотрел всю свою литературу по ядерной физике, книги в полковой библиотеке, выпуски реферативного журнала по этой же тематике, что он тоже недавно стал выписывать по подписке. Увы, даже намека на удержание термоядерной плазмы в электромагнитном поле ему не встретилось. «Ведь не может быть, — размышлял в ночной тишине и духмяной теплоте кубрика Игорь, — чтобы никому из мировых светил-физиков, нобелевских лауреатов, не пришла в голову эта мысль — идея на поверхности. Скорее всего, работы в этом направлении ведутся, но в глубокой секретности...» Это несколько успокаивало, но тут же пришла еще более настырная мыслишка: «А почему, собственно говоря, это должно быть тайной?» Во-первых, это не урановые реакторы, в которых оружейный плутоний готовят. Там сверхсекретность понятна и необходима. А вот в термоядерном реакторе никаких «отходов» для оружия не предвидится! Во-вторых, хотя и молод был сержант, не искушен вовсе в делах и тонкостях высокой научной этики-политики, но понимал: предметом заинтересованности государства, то есть тайной, может быть рабочее, техническое решение, но никак не общая научная идея. Иначе бы и законы Ома или Ньютона до сих пор держались бы под грифом «OB»¹¹.

* * *

служебных обязанностях, занятиях в вечерней школе, в вечерних и ночных бдениях в своем кубрике промелькнул сорок восьмой год и пробежали зимние месяцы года сорок девятого. Торопясь скорее окончить школу, Игорь даже не воспользовался летом отпуском. Впрочем, из его письма Александра Федоровна и Алексей Николаевич поняли докуку сына и не очень обижались. Немного беспокоило, что сын ничего не пишет о планах на будущее и не такой уж далекой демобилизации. И невеста на примете есть... А у сержанта Прокофьева на носу был месяц май, на Сахалине — роскошный, но не до него было Игорю. Поло-

женный же отпуск он оформил и провел в подготовке к экзаменам — за три учебных года, которые он прошел в один, и выпускные. Все он сдал прекрасно, не краснея и запинаясь, получив в итоге из рук директора аттестат зрелости. «Первый случай в моей практике, молодец! — похвалил его семидесятилетний ветеран образования Лев Павлович. — После демобилизации обязательно учись, Игорь, дальше. Живешь-то ведь рядом с Ленинградом. Будущее у тебя обязательно будет. Достаточно тебе воевать и служить, долг свой перед Родиной сполна выполнил!»

Однако в то время демобилизоваться досрочно даже участнику войны было сложно: многие и срочную по семь лет тянули: обстановка в мире опять накалялась, теперь уже не от Гитлера, а от Гарри Трумэна. Стране нужны были сталинские дивизии из кадровиков, познавших опыт Великой войны... Смирившись с обстоятельствами, Игорь продолжил свои ночные бдения в кубрике. Уже осенью тетрадка в сорок восемь листов была заполнена описанием, чертежами и кое-какими расчетами по термоядерному промышленному реактору. Исходная идея только своя. Ничего, даже намеков на подобное сержант не нашел в физических журналах, самых свежих. За основу реактора Игорь взял радиолампу, от которой и сама его идея возникла. Итак, два электрода, две сферы, как матрешкикуклы, расположены одна в другой с зазором. Причем внутренняя, малая, сфера сплетена в виде сетки с ячейками, то есть прозрачна для летящих от внешней сферы ионов дейтерия. Сетка-сфера находится под очень высоким отрицательным потенциалом, а сама раскаленная плазма создается ионами и вторичными электронами с электрода-сетки. Плазма удерживается в электрическом поле – вроде как яичный желток в белке яйца. К стенкам и сетке сфер она не прикасается, а значит, и не может их расплавить. Конечно, все это «работает» при очень тщательных и точных расчетах конструкции. Самая большая плотность плазмы — в центре сетчатой сферы, где и происходит термоядерная реакция «горения дейтерия».

Испытанная в самом конце августа советская атомная бомба, понятно, заставила Игоря подумать и о военном применении тер-

моядерной реакции. Опять же мыслил он по отлаленной аналогии с толовым зарялом. Ведь тепловой шашкой можно и гвозди забивать, и расплавить, залив в любую форму... Но приставь к ней взрыватель, подожги бикфордов шнур — и бросай в речку, где кета с горбушей косяком на нерест идут. Главное, чтобы старшины или кого из офицеров в радиусе двух-трех километров не наблюдалось... А детонатором для взрыва термоядерного горючего должен служить атомный взрыв в центре этого горючего, который, в свою очередь, производится «пушечным» соединением двух подкритических масс урана. В качестве термоядерного материала после долгих раздумий и чтения доступной ему литературы Игорь выбрал дейтерид лития-6¹². Если относительно работоспособности термоядерного реактора его конструкции у Игоря все же были некоторые сомнения, особенно в расчетной части - он трезво оценивал свои скороспелые познания в ядерной физике, а особенно в высшей математике, - то в части водородной бомбы он был полностью уверен: сработает.

* * *

 тиже к зиме пятидесятого года — последне-**D**го в его затянувшейся службе – все чаще стал задумываться: пока он тут исчиркивает целые общие тетради, американцы, быть может, уже на полных парах повторяют свой Манхэттенский проект, но только с водородной бомбой. А что делать? Доложить по начальству – так майор Нестеров и капитаны Грищенко и Егоров неизвестно как отнесутся. Скорее всего, Нестеров и Грищенко, расположенные к нему, но более всего пекущиеся о ровном течении службы в своих подразделениях, посоветуют дождаться дембеля, а там уже и стучаться в разные двери. Замполит же Егоров первым делом прочтет лекцию о бдительности и военной тайне, а потом «стукнет» особистам. Те же люди нервные, начнут ежедневно таскать к себе, выспрашивать, смотреть с прищуром подозрительности. Может, отправят для освидетельствования в психдиспансер в Южно-Сахалинске... Все может случиться, а главное, понимал хорошо: это уже не его личное дело, а государственной важности!

Поэтому его начальники и слушать-то не станут, особенно про бомбу, в прямом смысле рот ему заткнут. Больно охота им потом стреляться, если докука младшего сержанта станет известной в верхах и будет объявлена сверхтайной?

Прямо написать в Кремль? Вот это, пожалуй, вернее. Даже адресовать письмо на имя Генералиссимуса; от знакомого сержанта Досталя, почтаря из полкового особого отдела, знал: никто, конечно, в Кремле письмо, адресованное Вождю, не понесет срочно на подносе Иосифу Виссарионовичу, а вскроют его в секретариате. Но зато до ворот Кремля никто не осмелится полюбопытствовать его содержанием. Досталь намекнул: даже служебная инструкция на этот счет имеется для почтовых работников.

Однако Игорь все откладывал и откладывал дело с письмом. Как ни странно, помогли решиться сами американцы, точнее — их президент Гарри Трумэн: в самом начале января московское радио несколько раз за день сообщило, что президент США выступил перед Конгрессом, где призвал ученых-ядерщиков в ответ на испытание Советами атомной бомбы быстро создать еще более мощную бомбу, действующую на иной физической основе. Понятно, что речь могла идти только о термоядерном оружии.

...В тот же день поздним вечером, захватив часть ночи, изведя несколько тетрадных листков под черновики, Игорь написал письмо Вождю. Наиболее трудным оказалось обращение к Сталину; остановился на воинском звании Иосифа Виссарионовича, как сам человек военный. Чистовик писал на припасенном белом листе машинописного формата, хорошего качества — под «слоновую кость». Писал кратко, памятуя о занятости адресата:

«Товарищ Генералиссимус!

К Вам обращается младший сержант Прокофьев Игорь Алексеевич, проходящий воинскую службу в должности радиотелеграфиста (в/ч ..., о. Сахалин). Извините, что отнимаю Ваше время. Как и весь советский народ, все миролюбивое человечество, сердечно поздравляю Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, с Юбилеем¹³. Желаю Вам, Вождю советского народа, хорошего здоровья и еще многих славных свершений в деле руководства СССР, страны-победительницы, уверенно ведомой Вами к построению коммунизма!

Товарищ Генералиссимус! Из известного сообщения ТАСС от сегодняшнего числа, посвященного заявлению президента США, следует, что американская военщина ведет работы над созданием термоядерного оружия сверхразрушительной силы. Не сочтите меня самонадеянным, но у меня есть технический проект-разработка водородной бомбы. Это результат моей самостоятельной работы, как интересующегося со школьных лет ядерной физикой. Война и служба не позволили мне получить надлежащее образование, но я его по мере сил компенсировал активным самообразованием.

По Вашему указанию готов представить полное техническое описание предлагаемого устройства практического типа.

С уважением, мл. сержант И.А.Прокофьев».

...Подписался, сложил вчетверо лист хрусткой бумаги, запечатал в «гражданский», то есть с маркой, конверт «АВИА», купленный днем в поселковой почте, прилег на койку, пододвинув Самурая в угол к ногам, и тотчас провалился в крепкий сон.

Наутро, перед вахтой, отыскал замполита, капитана Егорова, и сообщил, что отправляет письмо Иосифу Виссарионовичу.

- Это как понимать? О чем письмо? с изумлением воззрился на сержанта Егоров.
- Поздравляю с семидесятилетием и прошу распорядиться рассмотреть одно мое изобретение.

Теперь Виктор Феодосьевич уже сузил в щелочку слегка азиатские глаза:

- Не поздно ли спохватился? И по чину ли тебе поздравлять от себя Вождя, а? Может, какую кляузу на нашу часть, а мы-то тебе все условия создали...
- Никак нет, товарищ капитан. Службой я доволен, да и о кляузах начальству не сообщают. Мне важно, чтобы кто-то в верхах ознакомился с моим изобретением, а тут такой повод. Извините, конечно.

Егоров постепенно успокаивался, вспомнив, что настырный младший сержант вечно что-то изобретает, лекции офицерам читает. Даже ухмыльнулся под конец разговора:

— Хитрец ты, Прокофьев, может, захотел дембельнуть досрочно: дескать, в Москве академики за головы хватятся и срочно вытребуют тебя, а? Ладно, шучу. Письмо отправляй заказное, а особистам краткий рапорт не забудь написать. Береженого бог бережет.

...Непонятно, кого имел Виктор Феодосьевич в виду. Скорее всего себя. В конце концов, сержант был беспартийным, то есть не его епархии. Пускай комсорги — от ротного до полкового — репу чешут¹⁴.

Трошли неделя, другая, миновал месяц. И еще пара месяцев. Ответа не было. Загодя предупрежденный Досталь (ответ наверняка шел бы через спецчасть) при встречах разводил руками: пишут, мол.

Капитан Егоров тоже интересовался, но он же отчасти и успокоил:

- Ты представляешь, сколько писем, телеграмм пришло в секретариат товарища Сталина в декабре-январе с поздравлениями? Наверное, миллионы. Вовсе нетрудно было твоему утонуть в этом потоке. И посейчас, небось, лежит твой листок с проштемпелеванным левым верхним углом «Вх. № ...», подшитое вместе с двумя-тремя сотнями таких же листков в картонном скоросшивателе, которых тоже не одна сотня в архиве третьего разряда. Человек по натуре добрый, несмотря на собачью должность, Виктор Феодосьевич даже посоветовал повторить письмо, для надежности адресуя его в ЦК ВКП(б).
- ...Я как раз через пару дней еду в Южно-Сахалинск на войсковой партактив и передам твое письмо через орготдел обкома для отправки в цэка со спешной почтой. Это не секретка, можно и обычные отправления прилагать. А у меня как раз в орготделе техработником служит одна... ну-у, скажем, родственница, — подмигнул по-свойски Виктор Феодосьевич, известный в полку обожатель женского

пола. Сержант нравился замполиту своей настойчивостью, а главное, Прокофьев хотя и салага, но принадлежал к их фронтовому братству, где разница между унтером и офицером, по крайней мере на людях, несколько размыта. Во втором письме Игорь упомянул и об управляемом термоядерном синтезе.

Через пару дней капитан Егоров, прихватив письмо сержанта, уехал в Южно-Сахалинск, а всего через неполные две недели, когда сержант находился на вахте, в рабочую комнату торопливо вошел начальник узла связи капитан Грищенко, одновременно встревоженный и снедаемый любопытством:

- Прокофьев! Чего ты там натворил, тебя срочно требуют в штаб полка, а?
- Никак нет, товарищ капитан, ничего не натворил. Да я почти месяц за ворота части не выходил. Не могу знать.
- Ладно. Сейчас придет Полуянов, за ним уже побежали, сменит тебя, а ты с посыльным мигом в штаб. Он на машине.

Через минуту пришел заспанный сосед по кубрику. Принимая от соседа вахтенный журнал, успел шепнуть:

- Этот старлей из особистов меня при выходе из кубрика обыскал и дверь опечатал.
- А Самурай как же? ошарашенно спросил Игорь.
- Не заметил. Тот от незнакомого человека под топчан сиганул.
- Р-разговорчики! построжал совсем сбитый с толку Грищенко. Прокофьев, марш на выход!

штабе молчаливый старлей-особист повел Прокофьева прямо в кабинет Нестерова, но уже не майора-комбата, а подполковника и комполка без приставки «И.О.». Кроме Матвея Григорьевича находились еще двое: особист полка майор (тоже свежеиспеченный) Деревянкин и солидный мужчина лет пятидесяти, аккуратно причесанный, в темном костюме, с галстуком.

— Товарищ подполковник! Младший сержант Прокофьев по вашему приказанию прибыл, — отрапортовал Игорь.

Хорошо. Присаживайтесь, — показал Нестеров на стул рядом с гражданским, — с майором, надо полагать, сержант, вы знакомы, а вот — приехавший по вашему делу завсектором Сахалинского обкома партии товарищ Белкин.

С любопытством глядя на сержанта, тот улыбнулся и протянул руку:

- Познакомимся, Игорь Алексеевич. Меня зовут Сергеем Антоновичем. Дело в следующем. Вчера нам в обком позвонили из ЦК ВКП(б). Ваше предложение, сущность которого известна только первым лицам обкома, заинтересовало соответствующие инстанции в Москве. Вам предписывается написать в самое ближайшее время не более месяца подробный отчет для отправки в столицу. Командование части создаст все условия для работы, освободив от прямых служебных обязанностей. Есть ли какие просьбы, пожелания? Нет. Ну и прекрасно. Если возникнут вопросы любого характера звоните прямо мне в обком, вот на бумажке мой телефон.
- «Пан или пропал», мелькнуло в голове сержанта, и он повернул голову в сторону комполка:
- Товарищ подполковник, разрешите в присутствии товарища Белкина обратиться к вам с просьбой?
- Давай, сержант, для того мы и собрались здесь.
- Мне еще до конца этого года служить, а я хотел попробовать уже этим летом поступить на физический факультет МГУ. Нельзя ли досрочно демобилизоваться?

Нестеров с немым вопросом посмотрел на обкомовского:

- Как полагаете, Сергей Антонович? Тем более, что фронтовик, да и в мирное время вволю наслужился.
- Вы, Матвей Григорьевич, командир, как говорится, царь и бог в своей части, вам и решать. Со своей стороны всячески рекомендую. Парень, вижу, хороший, с головой, а советская наука сейчас пошла семимильными шагами.

Чувствовалось, что вихрастый сержант явно понравился обкомовскому гостю.

 Можно подумать. А когда вступительные экзамены? – поинтересовался Нестеров.

- В августе, товарищ подполковник, но заявление по почте надо уже в июне отправлять с разрешением командования.
- Хорошо. Заявление отправляй, я завизирую. А вопрос о досрочной демобилизации решим окончательно после составления тобою отчета. Ну, товарищи, комполка поднялся со стула, остальные вслед за ним, всем все ясно. Сергея Антоновича попрошу заверить первого секретаря обкома, что не подведем, выдадим на-гора́ даже раньше установленного срока. Как, младший сержант?
- Так точно, досрочно, встал по стойке «смирно» повеселевший Прокофьев, — не подведем, товариш подполковник!
- Понятно. Я сейчас Сергею Антоновичу покажу наше хозяйство, а Василий Игнатьевич, Нестеров обернулся к майору Деревянкину, даст подробные инструкции герою, так сказать, сегодняшнего дня.

Распрощавшись по уставу с командиром и за руку (по инициативе гостя) с завсектором обкома, Игорь заторопился вслед стремительному в движении особисту в его кабинет.

- Ну и задал ты нам задачу, изобретатель хренов, по-доброму, с ухмылкой начал инструктаж майор. Прокофьев сделал понимающе-скорбное лицо: дескать, извиняйте меня со своей докукой, но теперь и я уже сам себе не принадлежу. Дело-то государственное. Деревянкин хотя и не кончал университетов и академий, но психолог был отменный, все прочел по лицу сержанта, еще раз ухмыльнулся и перешел к делу:
- На время работы над отчетом тебе присваивается высшая, первая форма секретности. Тут от тебя нужны разные анкеты и подписи это сегодня все у моего помощника в шестой комнате сделаешь. Он уже предупрежден. Это раз. По инструкции из обкома ты должен работать в отдельной охраняемой комнате, а перепечатывать твои записи может лишь машинистка нашего отдела с соответствующим допуском. Такой у нас нет, но ты ведь, как радиотелеграфист, сам можешь печатать?
- А как же, товарищ майор, десятью пальцами вслепую. Это мои должностные обязанности.
- Угу, очень хорошо. Комната у тебя уже имеется. Соседа выселим в казарму, на окно

уже ставят решетку, в коридоре у двери круглосуточно будут дежурить бойцы из комендантского взвода. Кроме тебя, никто входить не имеет права; сам будешь выходить, хотя бы даже по малой нужде в гальюн, дверь опечатывай. Будет у тебя своя печать. И караульный каждый раз обыщет. Уж не обессудь. Печатную машинку доставим тоже сегодня. Да, если при печатании – а делай все в одном экземпляре! – лист испортишь, то ни в коем случае не выбрасывать. Потом по акту слашь. Все листы дадут уже проштемпелеванные с грифом. Чертежи рисуй тушью. Все необходимое из чертежных принадлежностей тебе дадут. Главное – пиши все очень подробно, ничего из существенного не упуская, поскольку по приемке отпечатанного и вычитанного тобою же экземпляра все черновики твои, рукописи, все. что у тебя в комнате есть рукописного. – будет по акту уничтожено. Останется только в памяти... И ни одна душа, включая меня и Матвея Григорьевича, не говоря уже обо всех остальных, не должна ни полслова, ни четверть намека знать, о чем ты пишешь. Все ясно?

- Так точно, товарищ майор!
- Э-эх, жили себе спокойно, от войны отдыхали...

провел буквально отрезанный от всего большого и малого мира. Даже радиоточку-репродуктор убрали особисты по причине строжайшей бдительности. Впрочем, на том и инструкция настаивала.

Хотел ретивый старлей и кота Самурая перевести в хозчасть на жительство, но поднаторевший в секретной бюрократии Прокофьев потребовал показать соответствующий параграф и инструкции, пообещал позвонить в обком, в Южно-Сахалинск. Самурая оставили, разрешив ему без обыска покидать келью затворника; время стояло летне-весеннее, и матерый котяра являлся домой только под утро пожрать и отоспаться днем. ...Да и сам затворник неохотно отлучался от увлекшей его работы — на камбуз поесть и вечером, когда нава-

лившаяся на Сахалин жара спадет, часок-другой провести на воздухе. Главное — ему и поговорить-то теперь не с кем было. Бывший друг и сосед по рубке Петька Полуянов здороваться перестал и зверем смотрел. Понятно, кому охота ни за что из «собственной» комнаты в казарму переселяться?

Но самое обидное — все остальные солдаты и сержанты части стали его сторониться. Поначалу Игорь списал это на зависть человеческую: дескать, живет один, сам-барин, в столовой на довольствие младшего офицера переведен... Но потом из солдатских разговоров дошло: хитроумные особисты, дабы пресечь все разговоры секретного сержанта с сослуживцами, пустили дезу: младший сержант Прокофьев по заданию начальства пишет характеристики-доносы на всех мало-мальски знакомых им солдат и унтеров.

...И куда бы ни шел по территории части и в самом здании узла связи Игорь, всегда в нескольких метрах маячила фигура кого-то из особистов невысокого чина, даже знакомого ему сержанта-почтаря Досталя. Вот уж истинно достали!

Но все это были хотя и досадные, но все же мелочи жизни. Главное - несказанное удовольствие доставляла сама работа над первым в жизни научным трудом. Да и чисто оформительские дела аккуратисту по характеру Игорю пришлись по вкусу: печатание текста, вычерчивание на форматках ватмана тушью чертежей, вписывание в текст формул – тоже тушью. К вечеру каждого дня он с удовольствием смотрел на растущую стопку готовых чистовиков, бережно упаковывая до утра в новую картонную папку с завязками. Кстати, вместе с пишмашинкой и прочей канцелярией особисты принесли и портфель, в который он должен был в конце рабочего дня складывать черновики и чистовики, опечатывать его и сдавать в особый отдел. Но Игорь позвонил по внутреннему телефону с узла связи майору Деревянкину и легко убедил в ненужности столь сложной процедуры: и так его местожительство под круглосуточной охраной бойца-краснопогонника с карабином.

Победив особиста, Игорь в душе хитрюще усмехнулся: про глупость с портфелем не забыли,

а вот опечатать форточку большого размера на зарешеченном снаружи окне запамятовали! А он ее прохлады ради держал открытой внутрь круглосуточно... Итак, отпечатав последний лист чистовика, дважды тщательно вычитав отчет, он свободно вздохнул и по служебному позвонил Деревянкину об окончании работы. Особисты прибыли целой группой, но в кубрик вошел только майор. Отведя глаза в сторону топчана со спящим Самураем, чтобы ненароком не прочитать хоть слово в черновиках и чистовике, Василий Игнатьевич давал распоряжения:

— Та-ак, Прокофьев, делай все по команде. И вот возьми причиндалы: сургуч, бечевку, зажигалку, мешки для черновиков и готового отчета.

И далее под монотонную диктовку Деревянкина, упорно отводившего взгляд от стола с бумагами, Игорь в течение часа проделывал сложные операции с пересчетом листов чистовика, испорченных на машинке, оставшихся неиспользованных, всех черновиков, включая школьные записи, — все, что было в кубрике рукописного. Все эти цифры он заносил в протокол, капал разогретым зажигалкой сургучом, ставил свою печать и особого отдела, которую каждый раз Деревянкин вынимал из кармана галифе и тотчас забирал из рук сержанта.

В итоге Игорь передал майору два опечатанных мешка: малый полотняный с чистовиком и большой рогожный с остальными бумагами. Эти мешки Деревянкин лично понес к машине в сопровождении двух автоматчиков «на изготовку» и Игоря. Еще один солдатик забрал пишущую машинку, тушь и готовальню. Личную печать особист у сержанта изъял. Оставил свой пост в коридоре и охранник. В особом отделе в присутствии Игоря большой мешок, не раскрывая, сожгли в специально растопленной летом голландке. Сам Деревянкин кочергой разворошил легкий бумажный пепел.

На прощанье майор сообщил автору, что уже сегодня отчет будет отправлен секретной почтой в спецотдел обкома в Южно-Сахалинск. (Позднее из разговора с Белкиным Игорь узнал, что отчет был отправлен в ЦК ВКП(б) заведующему отделом тяжелого машиностроения И.Д.Сербину.)

f) **f** а другой же день младшего сержанта Прокофьева вызвали в штаб, ознакомили с приказом о досрочной демобилизации, выдали проездные документы до Москвы и через час попуткой отправили в Южно-Сахалинск в распоряжение завсектором Белкина. Спешно собирая нехитрый свой скарб, Игорь помирился с Петькой Полуяновым, вновь водворенным в кубрик, велел опекать Самурая. Зашел попрощаться с капитаном Грищенко и замполитом Егоровым. Оба искренне желали успеха ставшему в одночасье известным всей части сержанту. Просили написать, как станет студентом МГУ. Вроде как и по необходимости здесь эти годы находился, но даже одна-другая слеза из глаза накатились, когда пожимал руки Полуянову и отцам-командирам, в последний раз гладил по загривку Самурая. Ко всему привыкает человек, везде торопится гнездо свить...

В Южно-Сахалинске его высадили у обкома. Из проходной позвонил Белкину. Тот выслал молодого человека в костюме и галстуке, который повел сержанта в бюро пропусков. Через десять минут он уже беседовал с милейшим Сергеем Антоновичем:

- ...Значит, едешь в Москву учиться?
- Да поступить еще нужно, Сергей Антонович. Хоть готовился, есть вызов на экзамены, от командира части рекомендация и хорошая характеристика, но все одно боязно: ведь физфак МГУ! А тут какой-то младший сержант с Сахалина...
- Не боги, как раньше говорили, горшки обжигают. Голова боится, а руки делают, завсектором явно был из учителей. Так оно и оказалось при дальнейшем разговоре.
- Жаль, что Семен Андреевич со всем руководством обкома на пару-тройку дней убыли на север острова, к горнякам на выездное совещание. Он хотел с вами поговорить.

Игорь сообразил, что речь шла о первом секретаре обкома, а Белкин перешел уже к деловой части разговора:

— Самолет на Хабаровск завтра в середине дня вылетает, а там тебя на скорый посадят; место забронировано. Как раз в Москву к началу экзаменов поспеешь. Переночуешь в об-

комовской гостинице — это в левом крыле здания. Харчеваться будешь в нашей же столовой. Кстати, через полчаса обед — тебя Константин, наш инструктор, что оформлял пропуск, отведет и в столовую, и вселит в гостиницу. Он же после обеда проводит в читальный зал спецбиблиотеки — до вечера ознакомишься с одним любопытным документом. Это распоряжение Семена Андреевича.

...Из почти суточного пребывания в обкоме более чем столовая с официантами, подававшими незатейливые, но хорошо приготовленные сытные блюда, гостиничный номер на двоих, куда его поселили одного. Игорю запомнились часы, проведенные в спецчиталке. Оформив с помощью инструктора Константина несколько подписок-расписок, он получил из рук пожилой библиотекарши увесистый, в формат писчего листа, том в коленкоровом переплете без названия. Только в верхнем правом углу был проставлен штампом инвентарный номер. Под переплетом находилась пачка отпечатанных на машинке листов, точнее их копий на множительной машине, прошитых по левому полю тонкой бечевкой, концы которой на обороте последней страницы были заклеены калькой с оттиском круглой уже печати. Это был перевод отчета видного американского физика-ядерщика по военному использованию атомной энергии. В нем Игорь нашел подтверждение некоторым своим мыслям, но еще больше узнал и нового, «на ходу» корректируя уже свои конструкции.

* * *

росьмого августа он прибыл в Москву, а первое сентября встретил уже первокурсником физфака МГУ. А потом так его научная и учебная жизнь закрутилась... Но это надо уже вспомнить всю историю советских проектов водородной бомбы и до сих пор промышленно не реализованного термоядерного синтеза...

эпилог

Бернувшись из «зарубежной» поездки, Николай Андреянович впал в благодушную интеллигентскую рефлексию. Понятно — о судьбах русских ученых и изобретателей. И раньше частенько задумывался, а тут и повод куда как явный. Но если раньше он размышлял о судьбах выдающихся классиков русской науки, то теперь перед ним пример современника, которого он несколько дней назад воочию наблюдал.

А история и вправду изобилует всякими кунштюками. Как радиотехник по образованию. Николай Андреянович как пять пальцев своей руки знал электродинамику – физическую науку о генерации, обработке, распространении в эфире и приеме электромагнитных волн: то же радио, по будням с восьми до одинналцати часов ряженные врачами актеры убеждают пенсионеров в пользе пищевых добавок («Мертвого с одра поднимут!»), а главное — TB- враг номер один современного человечества. А в электродинамике одно из базовых понятий - вектор распространения энергии электромагнитной волны. На Западе его именуют вектором Пойнтинга, у нас – Пойнтинга – Умова (или Умова – Пойнтинга), в сталинские послевоенные годы просто вектором Умова; это когда шло великое восстановление авторитета русской науки. Но все равно в электродинамике этот вектор принято обозначать заглавной греческой буквой, то есть в честь Пойнтинга все же... Сущность же разночтений в том, что первым дал определение этого понятия Николай Алексеевич Умов, выдающийся русский физик последней трети XIX – начала XX века, создатель московской физической школы, а заодно и физического факультета Московского университета, на котором и учился сержант Прокофьев спустя полвека с лишком. А иностранец Пойнтинг только с десяток лет спустя дал определение этому вектору, да и то лишь для частного физического случая.

Николаю Алексеевичу вообще не везло на приоритеты. Так, открытый им закон распределения электрического поля в пластине произвольной (неправильной) формы просто присвоил очень даже знаменитый немецкий физик-электротехник Кирхгоф. Видно, был

он человек простой: прочитал в малоизвестном в Европе русском научном журнале статью Умова, перевел на немецкую мову и опубликовал в каком-нибудь солидном «Zeitschrift für Elektrotechnik» В правдивости последней истории Николай Андреянович не сомневался, ибо прочел ее в случайно попавшем в его руки томе словаря Брокгауза — Ефрона дореволюционного издания. А Брокгауз, тем более Ефрон, были издателями солидными и непроверенных трижды фактов в свою энциклопедию знаний не допускали.

Николай Андреянович уже и не вспоминал о паровозе братьев Черепановых, аэроплане Можайского... — всех их переплюнули запоздалые западные изобретатели. Кстати, изобретатель телевизора Зворыкин и создатель вертолета Сикорский потому и остались первооткрывателями, что вовремя уехали «за бугор». Но во всех этих очень многочисленных случаях хоть есть логика: борьба за приоритеты как показатель самодостаточности государств. Другое дело, когда эти «схватки под ковром» разворачиваются в пределах самой страны. Тут уже действует не логика, но амбиции, в худшем случае — откровенный карьеризм и своекорыстие.

А можно и с другой стороны взглянуть: студент физфака МГУ (а это не провинциальный пединститут!) разговаривает на равных с кандидатом физматнаук, вчерашним аспирантом Сахаровым, обсуждают конструкцию водородной бомбы. Проходит сравнительно недолгое время: Андрей Дмитриевич признанный «отец водородной бомбы» и трижды Герой Социалистического Труда, а бывший сержант – научный сотрудник Харьковского физико-технического института. Правда, стремительную научную карьеру Андрея Дмитриевича изрядно подпортила супруга, неистовая демократка до времени, в разное время путано именовавшая себя то грузинской, то армянской княгиней... Но это уже субъективный фактор.

И на токамаке многие академическую карьеру сделали, хотя до сих пор до промышленной реализации дело не дошло. И вряд ли дойдет, пока в мире энергетикой правят нефтегазовые, угольные, атомно-урановые транснациональные корпорации. А вот это как раз фактор объ-

ективный! Вообще говоря, в современной науке и подчиненной ей промышленности корпоративность играет основную роль. Это прекрасно знал Николай Андреянович, проработав тридцать лет в оборонно-промышленном комплексе. Казалось бы, какая могла быть корпоративность в советское время, всегда есть в чем-либо вред, если полностью превалирует государственный интерес. А вот так и был; он являлся внебрачным дитем здоровой, специально поддерживаемой промышленными министерствами конкуренции: кто лучше сделает! Но народившийся байстрюк-корпоративность — тоже времени не терял.

Сколько Николай Андреянович за десятилетия работы встретил талантливых конструкторов-оружейников – у себя в НПО и на других предприятиях страны, где бывал в командировках. – создававших самые совершенные, во много раз превосходящие западные образцы стрелкового оружия: от пистолетов до пулеметов. И что же? Каким бы авторитетом ни пользовались руководители орденоносных НИИ-НПО, но не могли прошибить некую стену, поставить новые разработки на вооружение Советской армии. А военпром все так же тиражировал в миллионах экземпляров стрелковое оружие 40-50-х годов разработки, слегка модернизируя его в соответствии с требованиями времени... А с сержантом с Сахалина и вовсе так приключилось, что попал он со своими эпохальными изобретениями промеж соревнующихся (слово «конкуренция» тогда не произносилось вслух) группировок физиков-атомщиков. Да и сам он, как понимал Николай Андреянович, человеком был скромным... Откуда уроженцу из Пскова, из рядовой семьи, повоевавшему, а потом пять лет проведшему солдатом у черта на куличках - откуда ему, молодому еще человеку, иметь нахрапистость, умение где надо подлизнуть, а то и вовсе сподличать, словом – пробивные способности?

Николай Андреянович сам провел детство и юность хотя и поближе Сахалина, но все равно в медвежьем углу, в среде военных моряков, потому мог с полным правом о характере сержанта-изобретателя судить по себе. С другой стороны, зачем нужно было всем этим славным академикам, героям и лауреатам так общ-

но почти полвека замалчивать имя автора идей водородной бомбы и управляемого термоядерного синтеза. Секретность? Но ее в отношении этих «изделий» сняли еще при Хрущеве: Сахаров гордо и публично именовался «отцом водородной бомбы», а токамак с тех же пор является международным проектом. Николай Андреянович не поленился сходить в читальный зал университетской библиотеки и перелистать тот самый номер «Успехов физических наук» 16, про который ему говорил в Харькове знакомец из НИИ Просвирнина. Нашел воспоминания самого бывшего сержанта о встречах с Л.П.Берией и другими знаменитыми людьми:

«...Через некоторое время, правда не очень малое, в кабинет председателя пригласили Сахарова, потом меня. Из-за стола поднялся грузный мужчина в пенсне и пошел навстречу, подал руку, предложил садиться. Далее последовали вопросы о родственниках, в том числе осужденных и т.д. О делах ничего. Это были смотрины. О моих документах ему уже было известно заранее. Ему хотелось, как я понял, посмотреть на меня и, возможно, на А.Д.Сахарова, что мы за люди. По-видимому, мнение оказалось благоприятным.

Через некоторое время посыпались какието блага: повышенная стипендия, постановлением Совета Министров СССР была выделена вместо общежития меблированная комната в Москве близко к центру (набережная М.Горького, дом 32/34), организована доставка любой необходимой литературы, назначены оплачиваемые Первым главным управлением (ПГУ) дополнительные преподаватели. Когда вышли из Кремля вместе с Сахаровым, он сказал, что теперь будет все хорошо, будем работать вместе.

Вскоре произошло новое событие. Вечером в общежитии меня разыскал молодой человек спортивного вида и предложил ехать с ним. Мы поехали. Приехали к зданию на Новой Рязанке, недалеко от Комсомольской площади. После оформления пропусков, а это была длительная процедура, поднялись в кабинет Н.И.Павлова на втором этаже. Оказывается, меня там уже давно ждали. Прошли в другой кабинет. Я прочел табличку — Б.Л.Ванников. В

кабинете оказались два генерала — Б.Л.Ванников и Н.И.Павлов, а также штатский с черной окладистой бородой. За все время моей службы я не видел ни одного генерала, а тут сразу два, да этот бородатый штатский. Начался разговор. Вопросы задавал бородатый. Впоследствии я узнал, что это был И.В.Курчатов.

В разговоре Павлов вставил реплику: «Он хочет в это устройство вставить атомную бомбу». Это меня настолько насторожило, что я невольно подумал: «Могу ли я рассказывать им об устройстве водородной бомбы без санкции сверху?», и у меня невольно вылетело вслух, что я был у Берии. Дальше моим трудоустройством занялся Павлов. Я приходил к нему, рассказывал о своих идеях, излагал их письменно и отдавал ему. Он прятал все записи в сейф. Своим добрым отношением к моим работам он вдохновлял меня на новое творчество. Он познакомил меня с Д.И.Блохинцевым, который в то время руководил в Обнинске строительством первой в мире атомной электростанции. Затем Н.И.Павлов познакомил меня с И.Н.Головиным, одним из руководителей работ по МТР в ЛИПАНе. Меня пригласили поработать у И.Н.Головина.

Кроме того, мне была предоставлена возможность заниматься дополнительно с преподавателями: физики (Телеснин Роман Владимирович, физик, окончил в 1926 г. Киевский государственный университет), математики (Самарский Александр Андреевич, в настоящее время академик РАН) и английского языка. С А.А.Самарским у меня сложились очень хорошие отношения. Я ему обязан не только конкретными знаниями в области математической физики, но и в области методологии, в умении четко поставить задачу.

С А.А.Самарским я провел расчеты «магнитных» сеток. Были составлены и решены дифференциальные уравнения, позволившие определить величину тока через витки сетки, при котором сетка защищалась магнитным полем этого тока от бомбардировки высокоэнергетическими частицами плазмы. Эта работа, законченная в марте 1951 г., дала начало идее электромагнитных ловушек. В мае 1951 г. я получил допуск в ЛИПАН для работы в группе И.Н.Головина. Здесь мне рассказали об идее

термоизоляции высокотемпературной плазмы магнитным полем, предложенной А.Д.Сахаровым и И.Е.Таммом. Я думал, что они предложили эту идею независимо от моей работы июля 1950 г. Но, как рассказал потом Сахаров, на эту идею его натолкнула моя работа, которую он рецензировал».

Из прочитанного Николаю Андреяновичу уже почти все стало понятно. Не таким уж крохотным винтиком являлся бывший младший сержант уже по первому году пребывания в Москве; дескать, вызвали посмотретьподивиться и отпустить восвояси. Как передовую доярку по разнарядке какому-нибудь обкому вызовут в Кремль, вручат орден, сфотографируют рядом с товарищем Калининым или — позже — с Георгадзе и тут же напрочь забудут о ее существовании.

Нет, наш герой сразу включился в серьезную работу. Главное — руководство страны и глава атомных проектов маршал Л.П. Берия как раз полагали его автором и инициатором обеих идей и дали указание об эффективном использовании автора в реализации его изобретений. Так оно поначалу и было, а потом его потихоньку оттерли, как это умеют делать в академических кругах.

...Была ли обида? Наверное, не без этого. Но явно в злость или какую иную меланхолию она не переросла. В этом и сам Николай Андреянович убедился во время случайной встречи в Харькове.

Великие дела порой делают малые люли!

Я хотел оживить мой пустынный приют Звучным словом твоим, полным слез и огня; Все мне чужды они, что со мною живут; Жизнь далекой могилой глядит на меня...

А.Шопенгауэр. «К Канту»

Поясняя мотивы написания стихотворения «К Канту», Артур Шопенгауэр оставил такую запись¹⁷: «День, когда умер Кант, был так безоблачен и ясен, как редко бывают у нас дни; на лазурно-голубом небе летело только маленькое легкое облако в зените. Рассказывают, что один солдат обратил на него внимание окружающих и сказал, что это душа Канта, которая летит к небу».

...Николай Андреянович захлопнул объемистый синий

том из «Библиотеки поэта», улыбнулся, вспомнив, как тридцать лет тому назад купил его в букинистическом магазине, что среди книголюбов почиталось большой удачей: поэтическая серия высоко котировалась у любителей поэзии, но особенно — у перекупщиковспекулянтов.

Читывавший неоднократно Шопенгауэра, правда, не систематически — за томом том, а в отрывках и антологиях философской мысли. Николай Андреянович тем не менее хорошо понимал суть знаменитого учения о мире как воле и представлении... Казалось — и душу великого мыслителя он хорошо осознает, вернее, воссоздает, как скульптор, при чтении его книг, а особенно стихов. Более того, сам франкфуртский отшельник приоткрыл свою душу в стихах. Как понимал Николай Андреянович. Шопенгауэр чувствовал себя глубоко одиноким, как только может быть одиноким в этом мире человек, мыслитель, осознавший сущность невеселого бытия в этой жизни. А уход Канта, с которым Шопенгауэр не пересекся во времени на грешной земле, но которого он полагал единственным духовным родственником, до предела усилил одиночество посвященного.

Николай Андреянович, вдохновляясь, все дальше и глубже развивал внезапно возникшую мысль, обобщая ее. Не только мыслители, своей мудростью понявшие сущность мироздания, глубоко печальны и одиноки, но ведь и герой в момент совершения своего подвига отстранен от всех людей, даже тех, ради которых он принимает муку. Вспомните евангельские описания страданий Христа пред распятием? Правильно, более всего он мучался от сознания своего одиночества...

Это уже потом кого год, кого поколения, а иного и вечность будут помнить и славословить, но в смертный час герой одинок. И к чему такие мысли пришли к Николаю Андреяновичу? Этого он сам себе объяснить пока не мог. Пока не мог.

С той памятной зимней поездки в командировку в Москву Николай Андреянович возобновил знакомство с бывшим сослуживцем, а ныне университетским профессором Сергеем

Викторовичем Небогатых. А ближе к лету они и вовсе по воскресеньям начали прогуливаться по парку; как говорится, собеседники нашли друг друга. А как-то к ним присоединился еще один университетский профессор, также некогда работавший в НПО «Меткость», преподававший биофизику на недавно созданном биологическом факультете: Ямщиков Андрей Тимофеевич. Впрочем, присоединился совершенно случайно: шел по своим неспешным делам через парк — спрямить дорогу — и увидел гуляющих, бывшего и нынешнего коллег.

Тройственная беседа получилась интересной, даже без захода в ближнюю к парку рюмочную. Особенно для Николая Андреяновича, далекого от университетской жизни; а бывший технический институт, где некогда он учился, претерпел за последние десять лет такие кардинальные изменения, что Николай Андреянович только головой в изумлении крутил, поочередно слушал то шедшего справа Небогатых, то мрачно острившего слева Ямщикова. Особенно он прислушивался к словам Андрея Тимофеевича как представителя самого, пожалуй, диковинного факультета в прежней кузнице военнотехнической науки.

Так получалось по словам Ямщикова, что факультет, готовя по университетской программе биологов широкого профиля — от будущих школьных учителей до сотрудников медико-биологических научно-исследовательских учреждений, — тем не менее, как это принято в классических университетах, избрал и свою специализацию. Точнее говоря, их появилось сразу три: изучение и культивирование особо ядовитых пресмыкающихся, опять же изучение, но только в историко-эволюционной ретроспективе, летающих ящеров-птеродактилей и, наконец, акклиматизация гигантских бразильских тараканов Murarbu grandiosus...

- Это почему же такие, мягко говоря, странные направления? невежливо перебил собеседника изумленный Николай Андреянович.
- А сейчас наука, да и само высшее образование, на самоокупаемости. Вот выиграли с помощью столичных знакомцев три долгосрочных гранта от международных научных

обществ — и отрабатывают. Впрочем, какая разница? Все одно выпускники в школы не пойдут, НИИ биологических в радиусе ста верст вокруг не имеется... вот и двинутся в мелкооптовую торговлю, вольются, так сказать, в средний класс. А он-то, как говорят наши выдающиеся экономисты-министры, и возродит Россию... до уровня Камбоджи или Никарагуа, как я полагаю.

Впрочем, как продолжил далее Андрей Тимофеевич, на фоне обычной для провинциальных вузов преподавательской серединки: доцентов-трудяг и доцентш-интриганок, есть на факультете два-три занятных человека, даже — представьте себе — одной из кафедр заведует профессорша-графиня...

— Да-да, не смейтесь, настоящая графиня, более того, правнучка последнего графа Российской империи. Она, правда, скромница, об этом по привычке помалкивает. Я и сам-то чисто случайно узнал.

Николай Андреянович поначалу было ухмылялся, дескать, в столице сейчас все, кто нерусскую фамилию имеет, объявили себя графьями да баронами, заплатив в районное дворянское собрание пару тонн баксов. Однако чем дольше он слушал увлекшегося профессора, тем больше ему казалось: а ведь он где-то читал про этого последнего графа, но вот где? Главное, фамилия была та же самая.

Дня два он ломал голову; как всякий человек с идиосинкразией на память, он не мог успокоиться, не вспомнив что-то запавшее: слово, фамилию, сюжет, образ... И только на третий поутру, когда память наиболее активна, вспомнил: очерк о геройском действительном статском советнике он читал в самые юные годы, найдя на чердаке своей тетки, у которой семья проводила отпуск (тогда еще жили на Севере) в калужской деревне, полуистлевшую подшивку журнала «Нива», вернее, три подшивки: за 1881-й, 1903-й и 1914-й годы. Тетка же Настасья пояснила: старье это захватили, переезжая в новый дом перед войной из прохудившейся дедовой халупы. А к деду они попали вместе с зингеровской машинкой при дележке добра из имения сбежавшего в революцию помещика.

Да-да, именно в сентябрьском номере «Ни-

вы» за год начала Первой мировой войны тогдашний Николка и прочитал о первом русском герое той войны и последнем графе¹⁸ империи, до поры до времени упрятав прочитанное в кладовку своей недурственной памяти.

Николай Андреянович давно уже понимал: свет тесен при всей его многоликости, но всякий раз восхищался тесной спайкой людей в этом мире. Думал ли он, вчитываясь в ветхие страницы журнала, сидя с тяжелой подшивкой «Нивы» на веранде теткиной избы, что в полусотне километров отсюда, тоже в калужском селе, бегает по двору с хворостинкой, выгоняя забежавшую чужую курицу, пятилетняя девочка с косичками, еще и не зная, что она графиня. Хотя на тех же дворах по всей стране уже прошлись либеральные хрущевские времена, а на партийный трон только что вступил еше либеральный «ранний Брежнев», но затаившиеся потомки князей и графов по привычке не торопились оповещать своих детей.

Казначей Калишской губернии, действительный статский советник¹⁹ Петр Иванович Соколов, несмотря на воскресный день, с самого утра находился в присутствии и в непрерывных делах. Только отдав самые срочные распоряжения, он на четверть часа затворился в кабинете, имевшем несколько разоренный вид: створки шкафов открыты, ящики рабочего стола выдвинуты, а все сколь-либо важные деловые бумаги, папки и скоросшиватели с перепиской еще загодя были упакованы одним из сторожей в пачки, обвязанные бечевой. Теперь же они занимали весь большой совещательный стол зеленого сукна.

Казначей с грустью осмотрел вдруг ставший таким неуютным кабинет, подошел к большому фасадному окну, стекла которого заметно вздрагивали от недальней орудийной канонады, так не гармонировавшей с прекрасными последними днями августа. Да, все кончено, по крайней мере для него и семьи. Вчерашние газеты, доставленные из Петрограда — так уже почти месяц по-новому именовалась столица империи — читать без слез было невозможно: войска Людендорфа уничтожили под Танненбергом²⁰ 2-ю армию Самсонова, взяв в плен почти 100000 русских солдат и офицеров...

Поначалу удачный натиск Самсонова на Пруссию завершился начавшейся потерей Царства Польского. Сам командарм застрелился.²¹

Западные губернии русской Польши после танненбергской катастрофы оборонять было практически нечем, а Калиш — всего в нескольких десятках верст от прусской границы — был и вовсе обречен. С самого 1 августа, с объявления Германией войны, Петр Иванович был готов уже к самому худшему развитию событий, но разгром армии Самсонова превзошел и это худшее...

Не в характере исправного служаки, сорокапятилетнего потомственного дворянина из захудавшего еще до Смутного времени древнего боярского рода Соколовых было ругмя ругать министров и всю правяшую верхушку, что стало почти модой с русско-японской войны. столыпинских виселиц и «государственного наездничества» графа Витте-Полусахалинского... Ох и язвителен русский народ: скажет как припечатает; так в его устах Витте и получил второе «графское» звание, то есть уничижающую двойную фамилию... Нет, ругательную моду-поветрие он не одобрял, хорошо понимая, что все люди, включая и высочайших персон, лишь пешки в величественном и кровавом движении мировой истории.

...Но ведь могли же в генштабе и в многочисленных тыловых управлениях и службой в мобилизационных планах более четко предусмотреть и подготовить эвакуационные мероприятия? Особенно для приграничных с Германией и Австро-Венгрией губерний. Конечно, через месяц-другой планы эвакуации имущества и людей начнут действовать для центральных и восточных губерний Царства Польского, но сейчас-то в Калише под дулами надвигающихся германских пушек каждый в своем ведомстве варится в собственном соку.

Впрочем, по министерству финансов план вывоза ценностей — всех активов, золота, ассигнаций и ценных бумаг — поступил к нему еще 10 августа, но план черновой, абрисный. Соколов тотчас телеграфировал в Петроград, объясняя сложность ситуации. А сложность эта того свойства, которое очень даже приятно

в мирное время, а в условиях войны, да еще при невероятной близости города к неприятельской границе, весьма хлопотно. То есть все дело в том, что во вверенном ему казначействе активов скопилось, пожалуй, не менее, чем в столице Царства Польского.

Хотя Калишская губерния небольшая по размерам, по площади в десять тысяч квадратных верст чуть не вдвое меньше его родной Калужской губернии — тоже невеликой, но при населении в полтора миллиона жителей являлась важным центром промышленности и торговли Западного края. После урожайного прошлого года и расширения производства на многочисленных суконных фабриках активы казначейства едва не удвоились. Опять же солидные поступления давали таможенные сборы, даже несмотря на перипетии последних лет, связанные с «таможенной войной» между Россией и Германией.

В пространной депеше казначей даже слегка вышел за рамки, дозволенные субординацией, намекая, что вывоз активов из Калиша следовало бы произвести сразу после объявления императором всеобщей мобилизации, обосновывая такие действия следующим. Вопервых, в худшем случае развития военных действий из всех десяти польских губерний именно Калишская окажется на острие удара новых тевтонов. Во-вторых и в основных, германское командование прекрасно осведомлено о значительных ценностях калишского казначейства, поэтому постарается занять город с ходу, отрезав дорогу на Варшаву. И, наконец, «господин министр, вне всякого сомнения, осведомлен о, мягко говоря, не совсем дружественной позиции некоторой части польского населения, активизировавшейся в условиях войны».

Из министерства ответили в том смысле, что озабоченность губернского казначея понимают, но ввиду благоприятной обстановки — бои идут на территории Пруссии — не следует торопиться, создавая панические настроения. В любом случае до Варшавы триста верст... И так далее.

Спохватились в Петрограде только после катастрофы со 2-й армией, но было поздно. Как и предполагал Петр Иванович, немцы первым

делом перерезали дорогу на Варшаву... В последней, позавчерашней телеграмме из министерства настоятельно указывалось: золото обязательно вывезти, а ассигнации и ценные бумаги, если не будет иной возможности, уничтожить.

Размышления казначея перебил вбежавший казачий подъесаул:

- Ваше превосходительство! Через час-полтора наша пехота покидает позиции и уходит по южной дороге. Прикажите начинать!
- Да, пожалуй... раз вчера не успели, то давайте. С богом!

А весь вчерашний день был потрачен на спешные дела. Нужно было вытребовать у воинского начальства полусотню казаков, а от интендантства добиться выделения лошадей и повозок — тех и других исправных, ибо, минуя Варшаву, золотой запас было предписано министром везти в Петроград.

Сразу пришлось отказаться от вывоза ассигнаций и ценных бумаг: поезд повозок растянулся бы неимоверно, привлекая внимание как населения, так и многочисленных немецких лазутчиков. Потом везти в прифронтовой зоне мешки с ассигнациями рискованно и по известной воровской причине.

Как это не покажется странным, но сложности возникли и с уничтожением сотен пудов ассигнаций и ценных бумаг. В здании казначейства действовало духовое отопление, поэтому в двух подвальных печах сжечь все не представлялось возможным. Невозможно было и развести костры на улице: казначейство не имело внутреннего двора. Выход подсказал товарищ22 казначея в чине надворного советника, его приятель еще по прежней службе в Смоленске Василий Григорьевич Квасников: обильно облить бумаги кислотой. Вместе и решение нашли: тюки с ассигнациями и прочими бумагами всем казначейством полдня сносили в подвальный этаж, где имелся поместительный погреб, хорошо облицованный старинной кирпичной кладкой, с люком наверх. Под вечер вытряхнутыми из тюков бумагами служители набили погреб на две трети его высоты.

Серную же кислоту в трехведерных стеклян-

ных бутылях, обложенных соломой, привезли на подводах с фабрики Лютецкого: она в большом количестве используется в сукновальном производстве. Феликс Осипович являлся семейным другом (через жен) Петра Ивановича, поэтому в просьбе не отказал и даже деликатно не поинтересовался странной просьбой.

Благодаря фабриканта по телефону, Петр Иванович тоже лишних вопросов знакомцу не задавал: как он собирается распорядиться семьей и фабрикой, имея в виду уже близкое вступление немцев в город. Повесил трубку на рычаг, дал отбой и вспомнил малоприятное: уже третий день на службу и даже домой звонят разные люди с уговорами и угрозами. В обоих случаях от него требовалось не вывозить активы казначейства, а передать их немцам при вступлении в город. Обещали в случае выполнения награду от кайзера, поместье и равноценную должность; в случае же невыполнения — публичную казнь.

Отдав распоряжение подъесаулу, Петр Иванович в течение двух с лишком часов самолично наблюдал за действиями своих служителей и казаков. Последние под командой своего начальника выносили из хранилища золотые слитки, зашитые в полотно, и монету в рогожных двухпудовых мешочках, укладывали все это в повозки, накрывали брезентом. С утра хорошо покормленные лошади перебирали копытами, готовясь в неблизкий путь. Рядом коноводы попридерживали казачых верховых.

Казначей зашел в подвальный этаж, смахивая слезы с защипавших от серного пара глаз. Служители, раскупоривавшие бутылки и выливающие кислоту в люк погреба, из которого этот пар валил, работали в ватных рукавицах и респираторных повязках, вместе с кислотой привезенных с фабрики Лютецкого. Сам Феликс Осипович распорядился выдать, явно догадываясь о назначении запрошенного химического продукта.

Подъесаул доложил об окончании погрузки, а служители, вылив в погреб последнюю бутыль, вышли из здания, сняли респираторы и как рыбы на суше глотали воздух. Казначей попрощался с Василием Григорьевичем, ко-

торый отправлялся с обозом старшим (семью он заранее отправил в Смоленск), обменялся рукопожатием с подъесаулом, перекрестил троекратно казаков, разбирающих своих коней. Спешенные же расселись по повозкам. Через несколько минут обоз скрылся за соседним зданием гимназии, взяв путь в сторону южной дороги — в объезд занятого немцами участка варшавского шоссе.

Отпустив со словами прощания служителей, Петр Иванович самолично закрыл на замок парадную казначейства, также троекратно перекрестился и пошел домой.

На улицах города пустынно, необычно жаркий в конце августа воздух застыл, редкие прохожие не шли, а-а... так и хотелось сказать: вышел из дома, тревожно оглянулся и прошмыгнул. Словом, все как перед бурей или грозой. Канонада с запада и северо-востока, где пруссаки обошли город и перерезали дорогу на Варшаву, совсем затихла. Даже одиночных винтовочных выстрелов не доносилось. Это значило одно: последний русский взвод снялся с позиций и ушел в южном направлении, а немцы, выждав пару часов, опасаясь маловероятного маневра-провокации, вот-вот войдут в Калиш. Скорее всего с обоих направлений, но уже раздосадованные: лазутчики из местных успели сообщить, что казначейское золото вывезено. Чему им радоваться? В стратегическом отношении город при мелководной Просне неинтересен. Казначей хорошо знал местную топографию, в прошлый отпуск из любознательности две недели пробродил с любительской археологической экспедицией гимназического учителя географии Варфоломеева: в Велюнском, Турекском и Конинском уездах, а также близ Варты и Здунско-Воли местность прямо-таки усеяна могильными курганами. Как объяснял Варфоломеев, курганы эти относятся еще к временам ранних пруссов²³ и мазурских племен.

Понимая, что, скорее всего, он последний раз свободно идет по улице, Петр Иванович нарочито замедлял шаг, обычно размеренный и упругий, какой только и может быть у сорокапятилетнего, здорового телом и душой мужчины — в расцвете сил и ума. За решетчатой

оградой особняка Бантышевского уже зеленела крашеным железом крыша его дома, поэтому, сузив шаг едва не до полуаршина, Петр Иванович кратко подвел итоги, как приучила профессия: методично, четко, выверенно.

Распоряжение министра финансов он выполнил. Вне всякого сомнения, казачий конвой с золотом уже в расположении наших войск, занимающих после отступления линию обороны в десяти верстах на юг и юго-восток от Калиша. А дальше Квасников и подъесаул мигом домчат до Петрограда, благо там их ожидают ордена и солидное денежное вознаграждение. Но это к слову; оба и без денег с орденами долг свой выполнят.

Итак, он приказ выполнил — относительно служебных дел, а ведь приказа покинуть город и казначейство ему не было? Может, молчаливо предполагалось, что теперь он волен поступать с собой как хочет? Как обстоятельства сложатся? Уехать с конвоем не мог ввиду многочисленности семьи. А почему, как тот же Квасников и другие видные чиновники города, он заранее не отправил семью в Калугу, Смоленск или Петроград, где имелись ролственники?

Но здесь-то все замкнулось в неразрывный круг. Елизавета Николаевна наотрез отказалась уезжать без мужа, тем более что пятеро по лавкам, престарелая мать, прислуга, а главное, только-только восьмимесячный Георгий оправился от затяжной простудной болезни. Это первая половина круга, вторая же — приказ из министерства, который он только что выполнил.

Как получилось, так и получилось; в конце концов, он человек партикулярный, долг свой выполнил по гражданской части; не шпион, не лазутчик... При всем своем тевтонском прошлом нынешние германцы — народ высокой культуры, сами дисциплину исполнения уважают, так и чужую должны понять!

И еще он невольно пожалел, что два года тому назад согласился на перевод в Калиш. Тем более, что это был не приказ, а предложение. И согласился, учитывая повышение в должности и генеральское звание. Не честолюбив от роду был, но следовало думать о будущем четырех детей (Георгий еще не родился): обра-

зование хорошее дать, дочерей замуж выдать. Потом и им с Елизаветой Николаевной, всю жизнь кочующим, совсем не лишним будет провести старость в небольшом имении...

Петр Иванович отворил дверь в переднюю и вошел в дом, почему-то ощутив глубочайшую усталость, а голова зудела: успел-таки надышаться серными парами в подвале казначейства.

«Я выполнил свой долг», — только и сказал Петр Иванович супруге. Сославшись на усталость, отказался от обеда, прошел в кабинет и лег на диван. Елизавета Николаевна тревожно проследовала за мужем. Тот убрал ладонь, закрывавшую глаза от солнечных лучей, пробивавшихся через полупрозрачную оконную штору, успокоил как мог жену, добавив, что в случае чего она может обратиться к Лютецкому: поможет чем сможет.

Через открытую форточку окна донеслись громкие голоса. Услышав немецкую речь, Елизавета Николаевна побледнела, но внешне волнения не выказала. Как привыкла в жизни.

Еще не успев встать с дивана, Петр Иванович услышал характерные быстрые шаги горничной Насти. Затем послышалось и грубое топанье подкованных сапог. Настя открыла дверь и хотела войти, но ее оттолкнул немецкий унтер, сопровождаемый двумя солдатами с винтовками в руках. Оба Соколовых хорошо знали по-немецки, а Елизавета Николаевна и вовсе преподавала его раньше в женской гимназии. Впрочем, унтер с кайзеровскими усами был краток:

 Директор казначейства Соколов? Идите с нами к майору Прейскеру, немедленно!

Побледневшая Елизавета Николаевна, но державшая себя в руках, вышла вслед за мужем и конвойными в гостиную, где уже собрались все дети, а кормилица вынесла из детской посапывающего во сне Георгия. Петр Иванович остановился, вздохнул, перекрестил всех домашних поочередно, подошел к кормилице и поцеловал младенца в лобик, губами чуть сдвинув чепчик.

 Прощайте, мои родные... а может, и до свидания, это как Бог распорядится. Берегите друг друга.

Старшие дочери заплакали, а Петр Ивано-

вич, обняв жену, решительно повернулся и пошел к выходной двери, опережая солдат, закинувших винтовки за спины.

Батальон майора Отто Прейскера первым вошел в оставленный русскими войсками Калиш. С батальоном шел и назначенный комендантом города гауптман Ругисвальде в сопровождении приданного ему нестроевого взвода. У заставы обе команды разделились по заранее оговоренному плану: Прейскер со своим штабом отправился к ратуше, а комендатуру определили в здании таможенной конторы.

Не заходя еще в ратушу, Прейскер послал надежного вахмистра с двумя солдатами на квартиру казначея, придав в провожатые подвернувшегося под руку пацана. В само казначейство идти смысла не имело: осведомители уже обо всем подробно рассказали. Но для порядка все же откомандировал туда лейтенанта с отделением солдат. Только после этого вошел в здание. Заняв кабинет городского головы и отдав необходимые распоряжения своему заместителю и батальонному квартирмейстеру, остался один, нахмурился. Хотя и не по его вине, но задание, по причине которого батальон был послан в город в нарушение общей диспозиции наступающих войск, выполнено не было. Прейскер невольно скосил глаза на пустое место под правым карманом мундира. А ведь уже через пару дней там мог появиться боевой крест!

Посланные вахмистр и лейтенант вернулись одновременно: офицер с пустыми руками и частым кашлем от паров серной кислоты, а унтер с Соколовым. Оставшись наедине с казначеем, Прейскер с минуту молчал, глядя поверх головы Петра Ивановича, затем сухо осведомился о его чине и для проформы о должности. Услышав о генеральском звании допрашиваемого, удивленно поднял правую бровь:

— И вы, имея такой высокий чин и прекрасный послужной список, решились в один миг все потерять? Мы же с вами люди цивилизованные, дворяне — каждый в своем отечестве; оба мы понимаем: войны — прерогатива высокой политики, а всякий там патриотизм, долг перед государем и прочее — это для масс в ши-

нелях и в пальто, в гимнастерках и в суконных пиджаках. А потом, есть писаные и неписаные правила войны для европейских стран. Одно из них гласит: воюют военные, а гражданское население соблюдает нейтралитет. Оно морально освобождается от ответственности поранее данным обязательствам. Это имеет прямое отношение к вам, господин действительный статский советник. Вернее... имело бы, поступи вы разумно, не поддавшись псевдопатриотическим эмоциям. Теперь, увы, вы совершили преступление перед Германией, нанесли ей вред. Ладно о себе не подумали, но ведь семья...

— Послушайте, герр майор! Вы не на лекции в Гейдельберге. Дело сделано, о чем тут рассуждать. Если у вас есть конкретное предписание в отношении меня, то и исполняйте его. Тоже мне... Понтий Пилат.

Прейскер резко встал, лицо его вмиг побагровело. Он молча обогнул стол и тоже вставшего Соколова, приотворил створку двери и крикнул давешнего лейтенанта. Тот явился с конвойными солдатами.

– Лейтенант, выведите этого... на площадь, пусть солдаты поработают над ним прикладами, а потом расстреляют. Все, идите!

Елизавета Николаевна не находила себе места, что при ее сдержанном характере было вдвойне тяжелее. Прошло два часа, как увели мужа; она решила действовать. Приказав старшим дочерям и прислуге из дома не выходить и смотреть за младшими детьми, она вышла на улицу, остановила удачно попавшегося ей извозчика, едва ли не единственного осмелившегося в этот день выехать за заработками, спросила о местопребывании главного немецкого начальника. Извозчик, слышавший, что комендатуру устроили в бывшей таможенной конторе, повез знаемую им жену пана казначея туда.

Комендант города гауптман Ругисвальде стоял у растворенного фасадного окна и видел даму, привезенную извозчиком, направившуюся к входу в здание. Через минуту в комнату вошел ординарец и доложил о визитерше. Ругисвальде кивнул головой, дама вошла и отрекомендовалась женой губернского казначея

Соколова. Волнуясь, она начала было рассказывать об арестованном муже, но гауптман перебил ее, дескать, ее мужем комендатура не занимается, все в ведении майора Прейскера. Чуть помедлив, комендант порекомендовал посетительнице идти на площадь к ратуше:

— ...Фрау Соколова, если вашего мужа на площади нет, то, значит, он жив. До свидания! Елизавета Николаевна, более не слушая офицера, бросилась к выходу, села в бричку извозчика, которому велела ждать, направляясь в комендатуру:

– Скорее на ратушную площадь!

Уже на самом въезде на площадь Елизавета Николаевна поняла: случилось непоправимое. Немногочисленные зеваки понуро расходились, а на краю площади, напротив здания ратуши, у каменного забора костела стояли два солдата с карабинами при штыках, а между ними на брусчатке лежал... Елизавета Николаевна со сдавленным криком бросилась к трупу мужа, но солдаты скрестили карабины с плоскими штыками, преградив путь. Стоявший поодаль лейтенант поспешил к ним:

- Проходите, фрау, проходите, здесь останавливаться не положено — приказ герра майора.
  - Но это муж мой!
- Все равно проходите... Могли бы и остановить его от опрометчивого шага.
- Но дайте хоть проститься, потом ведь похоронить нужно?
- Расстрелянный будет здесь находиться до утра, а родственникам трупы преступников не выдаются. Похоронят без вас. Лучше о себе подумайте.

Последнюю фразу лейтенант произнес скороговоркой, опасливо посмотрев на ратушу. Голова Елизаветы Николаевны закружилась, в глазах потемнело. В чувство же она пришла только в автомобиле; ее бережно поддерживала Ядвига, жена суконного фабриканта Лютецкого, единственная, пожалуй, ее подруга в Калише. Скоро подъехали и к особняку Лютецких.

Подождав, пока невольная гостья придет хоть немного в себя, Феликс Осипович сообщил:

Елизавета Николаевна, о сочувствии и прочем говорить не буду. Петр Иванович – истинный герой, но дело еще серьезнее. По

достоверным сведениям, Прейскер за свою неуспешность вполне может быть понижен в звании, поэтому лютует без предела: женщины, дети... он ни перед чем не остановится, прусская скотина! Извините. Словом, сегодня же с наступлением темноты, взяв только самое необходимое в дороге, вы с детьми и кормилицей выйдете из своего дома через черный вход и перейдете через дорогу к скверу. Там вас будет ждать моя машина, не та, на которой сейчас ехали, а «бугатти» — в ней все разместитесь. Наши войска всего в десятке верст на юг, а шофер мой довезет к утру до Варшавы и посадит на петроградский поезд.

- Почему до Петрограда именно? Я думала...
- Именно до столицы и прямо на прием к министру: пенсию за мужа, извините, оформить, жить-то ведь на что-то надо, детей воспитать и обучить. Насчет Петра Ивановича не беспокойтесь, похороним. И на Прейскера есть управа в конце концов.

... Через двое суток семья покойного калишского казначея прибыла в Петроград.

Государь Николай Александрович сразу после окончания четвертьчасовой (столь короткой по напряженному военному времени) аудиенции, данной по просьбе министра финансов вдове калишского казначея, некоторое время молча смотрел в окно на Неву. Молчала и Александра Федоровна, жестом отпустив старших дочерей и обер-фрейлину. Престарелый министр двора граф Фридерикс, потоптавшись, сам вышел: с началом войны дворцовый обиход значительно упростился.

Император еще раз мысленно продумал распоряжения, только что отданные в присутствии вдовы: ежегодная пенсия в три тысячи рублей, казенная шестикомнатная квартира на Большой линии из дворцового имущества — пожизненно, с бесплатной же прислугой и конным выездом; сыновей, исключая младенца, по их желанию, в морской кадетский корпус и в Михайловское юнкерское, соответственно. Дочерей он поначалу предложил в Смольный институт, но более практичная в житейских делах Александра Федоровна мягко воспротивилась:

- Мне кажется, что больше подойдет инсти-

тут Ксенинский, благо он и рангом теперь не ниже Смольного. Потом... как-никак, но им дальше без главы семьи жить, чего им во фрейлинах делать? А в Ксенинском добротное высшее педагогическое образование получат — серьезную женскую профессию.

Государь не возражал, объявив на прощание вдове Елизавете Николаевне, что подвиг ее мужа всегда останется в памяти августейшего семейства, но главное — в благодарной памяти всех православных и подданных Российской империи.

...Оторвавшись от лицезрения уже подернутой в приближении осени мелкой рябью Невы, император, ничего не сказав более царице, вышел из малой приемной залы, прошел в кабинет, приказав дежурному адъютанту позвать министра двора и связать по телефону с министерством внутренних дел. В течение ближнего получаса он отдал необходимые распоряжения.

Уже на следующий день в утреннем и вечернем выпусках «Биржевых ведомостей», равно как и в последующих сентябрьских номерах виднейшей российской газеты, а затем в ближайших выходах журналов «Огонек» и «Нива»²⁴ были помещены подробные очерки о подвиге действительного статского советника, богато иллюстрированные фотографиями Петра Ивановича, членов его семьи, видов города Калиша — из семейного альбома, в числе самых дорогих и ценных вещей взятых Елизаветой Николаевной при ночном бегстве из оккупированного города.

Тогда же, в сентябре, все газеты России привели и указ императора — в форме подробной выписки из дворцового архива — о наречении погибшего казначея Героем России и даровании ему, всему семейству и потомству по нисходящей линии двойной фамилии Соколовы-Калишские со всеми проистекающими из этого дворянскими и гражданскими правами. В указе содержалось и определение об установке герою памятника в Калише после его освобождения от тевтонов...

Так бывший губернский казначей после смерти стал последним графом Российской империи, которой и самой оставалось существовать последние годы.

Избитый солдатскими прикладами, но держась на ногах, Петр Иванович, следуя указанию лейтенанта, лихорадочно зажигающего сигарету за сигаретой, подошел к стене ограды костела, прислонился к ней спиной, стараясь не попадать на твердое сломанными ребрами. Напротив, в десяти шагах, выстроилось полуотделение. Лейтенант, скрывая невольное волнение, стал сбоку и подал команду. Солдаты взяли карабины с примкнутыми плоскими штыками на изготовку. Лейтенант, не имея от майора Прейскера инструкции зачитывать обвинение, равно как и самого текста, поднял правую руку для команды и на четверть минуты замер, что-то обдумывая.

В наступившей тишине и сама боль от побоев покинула на предсмертный миг Петра Ивановича. Остро он почувствовал полное одиночество, должно быть и потому, что всю жизнь, сколько помнил себя, одному оставаться не приходилось. А в последние двадцать лет и вовсе: на службе вокруг него постоянно толклись чиновники, дома — все растущая семья, прислуга, гостюющие родственники его и супруги Елизаветы Николаевны.

... А вот наступил короткий миг одиночества: одного и единого перед расстрельными солдатами, тщетно скрывающим понятное волнение молодым лейтенантом рейсхвера²⁵, редкими зеваками, не убежавшими в ужасе с ратушной площади.

Не было в душе страха перед неумолимой кончиной, как не было и неких высоких мыслей — это из читаных романов, перед глазами героев которых последний миг жизни вся она заново повторялась. Жизнь, к сожалению, завершилась: любил жену и детей, чтил государя, был усерден в делах служебных. Если хорошо разобраться, то и сегодняшний свой поступок он не облекал в тогу героизма: опять же дело служебное, присягой царю освященное. Главное — чтобы о семье казна позаботилась, этого-то дети и Елизавета Николаевна заслужили через его верность долгу.

...А награды посмертные, памятники, как Ивану Сусанину? Ну их, награды и памятники эти. Нет в нем тщеславия. Хорошо, если память о нем поколение-другое сохранится. Но и на это надежды особой нет: царство это от

мира сего, а скоро ему и вовсе конец. Не был действительный статский советник разговорным политиком, но хорошо понимал: мир уже не тот и русская империя после волнений и думской реформы 1905 года обречена. Вряд ли эту войну с германцами выстоит.

Одиночество... боже, какое одиночество в этом мире? Даже и от семьи отъединили. Семья! Вот о чем думы его должны сейчас быть...

Но думать и жить ему более отпущено не было; раздалась команда срывающимся голосом лейтенанта: «Фойер!» ^{26} — и от мира отлетела еще одна душа. Одинокая в этот миг.

Все предсмертные мысли Петра Ивановича в части памяти людской исполнились в точности. Памятника ему не поставили ни при Пилсудском, ни при генсеках Польской народной республики, ни в нынешней, вновь быстро обуржуазившейся Польше: вечен спор славян между собою, как провидчески заметил Пушкин, и полякам не нужны русские герои. Только калишские обыватели уже в пятом поколении хранят память, даже в какойто «переходный период» сумели перезахоронить останки бывшего казначея на ратушной площади — на месте расстрела.

Про отечество родное и говорить нечего: после семнадцатого года никто из потомков Петра Ивановича не решился носить двойную фамилию. Многих детей и внуков Соколова-Калишского судьба занесла в иные веси; только на могильных плитах Америки, Японии и других стран стоит эта фамилия полностью. В родной калужской деревне дожила до начала XXI века, перешагнув столетний возраст, вторая дочь Петра Ивановича, названная в честь матери Елизаветой. А совсем недавно умер в Лонг-Айленде, штат Нью-Йорк, и Георгий последний из детей, с первого до последнего дня Великой Отечественной воевавший на Ленинградском фронте и эмигрировавший в США в самом начале 80-х годов.

...Плохо в России в последние девяносто лет с памятью, ох, плохо!

TAAC(HON HEDONEN... 34 NY VEH pacckas

почь на одиннадцатое марта Слободан почувствовал себя — без всяких видимых причин — лучше. Тупая пульсирующая боль в сердце сгладилась, проявляясь лишь... он не мог точно определить словами этого состояния: и неприятное, и расслабляющее. «Сладкая тянущая боль», — решил он, ибо обычная пунктуальность и самодовлеющая логика ума не позволяли оставлять любое явление в себе или вовне себя без точного определения. Некстати вспомнил последнюю, правда, шесть лет назад, встречу и беседу с Ладиславом Гундуличем, некогда соседом по школьной парте, а теперь известном враче и профессоре университета в Нише.

Далматинец по крови Ладислав, видно в соответствии с национальным характером, мог серьезные вещи говорить с улыбкой, а анекдоты рассказывать с похоронным выражением лица. Слободан не помнил — в каком контексте Ладислав завел разговор об ощущениях удушаемых людей, но поразился услышанному: человек может повеситься, не имея крюка на потолке, и на батарее отопления, поджав ноги. Казалось бы, для этого нужно иметь гигантскую силу воли, но Ладислав объяснил, что здесь не помогла бы никакая воля, но все дело в том, что при удушении, как и при замерзании, в организме происходят процессы, активизирующие мозговой центр удовольствия. Поэто-

му залезшему в петлю вовсе уже и не хочется от нее освободиться... Чудно устроен человек!

Сам неплохо разбиравшийся в медицине, Слободан был удивлен. Но теперь, когда болезнь подступила вплотную, он четко знал: всем в теле человека управляет мозг. Простейший пример — каждый по себе знает: если болит сердце — мозг продолжает исправно работать, а если заломило в голове, то и сердце выскакивает из груди...

Отогнав малоприятные воспоминания, Слободан, мысленно поблагодарив сердце за временный покой, удобно устроился на правом боку, взял в руки томик Якшича²⁷, в бессчетный раз прочел наизусть знаемую строфу:

Тиран казнит нас, позорит женщин, Посевов наших плоды берет.
Сама суди же, будь справедлива, Да разве может так жить народ!
— Мы погибаем!.. — И погибайте! — Что ей, Европе! Все нипочем!

Только ли Европе, извечно ненавидящей православных и вообще славян, всему миру сейчас нипочем, нет дела до Сербии, обкусанной со всех сторон, как оставленный на ночь пасхальный пирог, обгрызенный церковными крысами. Якшич в своих печальных и гневных стихах писал о последних годах четырехсотлетнего османского ига, но тогда была и сбылась надежда: Великая Россия, начиная с осады Азова воеводой Шеиным и юным Петром Первым, за два без малого века в бесчисленных войнах сломала хребет Османской империи и освободила Балканы.

Где та сильная Российская империя? Где великий и могучий Советский Союз, властитель полумира? Правда, зря Иосип Тито с тезкой-генералиссимусом сгоряча горшки побил; СССР это не повредило — укус комара для медведя, а для Югославии это заложило мину замедленного действия. Увы, нет той царской, той советской империи, и некому сейчас защитить Сербию.

Джордж Оруэлл в романе «1984» всего лишь полутором десятков лет ошибся в своем прогнозе: наступлении эры господства избранных над всем миром... Сладкая тянущая боль на несколько секунд снова превратилась в режущие спазмы, но, слава богу, отпустила. Кто сейчас с Россией считается? Даже не позволили ему съездить

в Москву, в институт Бакулева подлечиться. И брат все пороги в русской столице оттопал с просьбами. Не пустили. Это не ему, Слободану, не доверяют. Это в Россию с европейско-американской надменностью нарочито плюют.

А как бы пригодились русские зенитные установки С-300 во время американских бомбежек Белграда! Не та страна, не те люди, нет Черняева с его полком добровольцев. А сербы разве те? Его же, последнего защитника страны, продали Гаагскому трибуналу, то есть тем же американцам, за миллиард долларов. Ха-ха! Наивные все же славяне. Так им Америка и дала этот миллиард. Сам Слободан некогда стажировался в Штатах по финансовому барышничеству, как он сейчас этот эпизод жизни называл, хорошо заокеанские нравы изучил. Миллиард! Да за пятидолларовую купюру удавятся... Так и получилось: вместо продажной стоимости Слободана даже не дали, а пообещали в десять раз меньше, а остальное перезачли за что-то. За что? Белградцы, еще не потерявшие голову, злорадствуют: вычли за «томагавки» и бомбы, что потратили на Югославию. Так оно, наверное, и есть. Не те сербы, не те. Весь мир не тот.

И снова Слободан в мыслях вернулся к запрету трибунала на лечение в Москве. Ведь не идиоты же они полные вкупе со Злой Карлой, должны понимать: не сбежать он собирается, а ткнуть кичливую Европу в ее же с Америкой дерьмо, как это сделал Георгий Димитров в процессе о поджоге рейхстага. Хотя сейчас это жест Дон Кихота. Тогда даже фашисты устыдились своей провокации и отпустили главу Коминтерна, но кто такие гитлеровцы по сравнению с сегодняшними силами мирового зла? Взбунтовавшиеся дети-хулиганы, нацепившие повязки со свастикой на коричневые рубашонки и с жестокостью нервических подростков завалившие свою и чужие страны горами трупов. Все видится и оценивается на расстоянии времени.

Главное, все у них просчитано на мегакомпьютерах по направлениям и последовательностям. По европейскому же направлению последовательность устранения самых активных противников началась с Николае Чаушеску, ритуально расстрелянного без суда и следствия. Ибо Николае совершил самое страшное преступление перед силами мирового зла: посадил страну на пус-

тую мамалыгу, но полностью расплатился с долгами Америке и Европе. Всякий, кто это сделает, получает смертный приговор.

Теперь вот до него добрались. Отсюда он не выйдет иначе как на тот свет. И уже оповещено на весь этот свет: следующим «последним диктатором в Европе» будет белорусский вождь Лукашенко. Жаль, что жить отпущено по крохам, а любопытство профессионального политика снедает: какой сценарий готовится под Лукашенко? Учитывая интересы России. К сожалению, и здесь выход будет найден.

Слободан полуоткинулся на спину, высвобождая затекшую правую руку, и судорожно вдохнул воздух; он понял: остановилось сердце. Эти тричетыре секунды показались вечностью, от пяток выше по ногам пополз ледяной холод. Все. Конец. И тут он почувствовал, как громко, ударом молота по наковальне сердце воскресло и, постепенно разгоняясь, вошло в норму, вернее, в привычный для больного человека ритм. Пронесло.

Сердце побаливало уже за десяток лет, да давление скакало по погоде. Но до скорой не доходило: таблетку энаприла, а через час по таблетке же аспаркама и рибоксина. Причем энаприл использовал только свой, словенской фармфабрики, правда, за эти десять лет пришлось увеличить дозировку от пяти до двадцати миллиграммов. А что здесь ему дают? — Бог знает. Да еще издевательски медсестра, чем-то похожая на Злую Карлу, и надзиратель требуют проглатывать снадобье в их присутствии, чтобы не спустил в унитаз. Как будто он стремится ускорить конец своей земной жизни... Может, и правда эти западники искренне полагают его преступником, для которого самоубийство — единственный выход?

Слободан усмехнулся; вот тебе прямо по Гегелю — Марксу: единство и борьба противоположностей! Действительно, только двум человекам не нужна его скорая смерть: ему самому, чтобы уткнуть западников понятно куда, и Карле — для ее прокурорской реабилитации. Ибо на ней уже висят два «русских» проигранных дела: союзного секретаря России и Белоруссии Павла Бородина и главаря солнцевской бандитской группировки Михайлова-Михася. Если рухнет из-за смерти Слободана и трибунал по бывшей Югославии, издевательски нареченный международным, то это конец карьеры Карлы. Придется ей остаток

трудоспособных лет проскучать окружной прокуроршей в глухом швейцарском кантоне...

Югославия. Из предыдущей его мысли четко выкристаллизовывалось только имя его бывшей страны. Ведь несмотря на трагизм Второй мировой и некоторую двусмысленность положения в соцлагере, это была страна европейского уровня, даже одна из восьми в мире государств строила свои подводные лодки! Даже не в том дело, что Иосип Тито был хорватом и многое делал в ущерб сербам... Нет, не в этом дело, Тито являлся выдающимся коммунистом и руководителем страны, но вот какое-то его навязчивое желание самостоятельности Югославии? Даже получая в Кремле от Брежнева ордена Ленина и Октябрьской революции, неизменно заявлял: «Будучи независимым и самостоятельным фактором вне блоков, политика неприсоединения, которой мы глубоко и прочно привержены...» И так далее. Это Слободан хорошо помнил, хотя слышал эти речи по белградскому радио тридцать лет назад.

А что это изменило и в мировой истории, и в судьбе родной страны, если бы два Иосифа не поругались, а Тито ездил каждое лето с отчетом в Сочи или Крым к Самому, потом к Никите и Ильичу Второму? Да ровным счетом ничего, пожалуй. Ход этой самой истории неумолим. Но почему-то все пробные свои ходы она начально опробует на славянах, особенно не везет здесь русским и сербам, двум православным народам. Боже, что и твои, и наши враги-антихристы сотворили с сербами?! -Четыреста лет османского ига, настоящего, не русско-татарско-монгольского союза, хотя тоже на крови немалой. Происки Европы... И как результат – растащили Великую Сербию по трем религиям. Но опять же не католикамхорватам, не мусульманам-боснийцам, а православным сербам западный мир ставит в вину все свои же прегрешения. Сколько же лет, десятков лет пройдет, прежде чем история начнет новый свой виток, снова Великая Россия и Сербия станут социальными, бесклассовыми государствами? Не было дано Слободану ответить самому себе на этот вопрос. Сердце остановилось.

* * *

Душа Слободана отлетела от тела и сорок дней металась над осколками страны, дважды воссозданной после мировых войн XX века. Да, потянулись к брезгливой Европе Словения и Хорватия; мечутся Босния и Македония; темные силы отталкивают от Сербии последнего союзника — Черногорию. Бестелесные слезы проливал он над расчлененной Сербией, уже без Сербской Краины и прародины Косова поля с тысячью взорванных албанцами монастырей и церквей.

На сороковой день душа великого воина Югославии, последнего рыцаря Европы прибыла к воротам Царства Небесного. Апостол Петр уважительно приветствовал новоприбывшего и отворил ворота. Проводить Слободана вышел сам Архистратиг Михаил. Из православных душ доселе только четверо удостаивались такой чести: князья Александр Невский, Дмитрий Донской и два русских генералиссимуса.

Скоро миновав рай католический с гигантским подземным чистилищем, они подошли к необъятному православному раю, стены которого вправо и влево терялись за горизонтом. Архистратиг Михаил отворил двери рая и напутствовал входящего:

 Шествуй в вечность, Святой Великомученик Слободан!

Примечание

- $^{\, 1} \,$ Входит в структуру Харьковского физико-технического института (ХФТИ).
- ² Наиболее авторитетный в России журнал по теоретической физике; издается Академией наук на русском и английском языках.
  - 3 То есть звание младшего сержанта.
- ^{4} Учащихся и окончивших фабрично-заводские училища тогдашние прообразы ПТУ.
- ⁵ Так в 40-50-е гг. в просторечии называли книжные магазины.
- ⁶ Дата испытания первой советской атомной бомбы РДС-1. (Американцы назвали ее ДЖО-1 в честь И.В. Сталина.)
- ⁷ Принятое на Дальнем Востоке название Владивостока.
- ⁸ Квартирно-эксплуатационная часть (гарнизона).

- ⁹ Реальное лицо. Николай Андреянович работал с ним в НПО «Меткость» в 70-80-е гг.
- ¹⁰ Тувинская народная республика, как и Монголия, находившаяся с 20-х гг. под «протекторатом» СССР, была в 1943 году введена в его состав в статусе автономной республики.
- ^{11} «Особой важности» высшая форма секретности в СССР.
- ¹² Так называемая водородная бомба имплозивного типа с 6LiD в центре (реальный технический проспект).
- ^{13} 21 декабря 1949 года И.В.Сталину исполнилось 70 лет.
- ¹⁴ Оглушенные антисталинским агитпропом от времен хрущевского либерализма до нынешнего дембешенства СМИ доверчивые наши люди и помыслить не могут, что в те «гулаговские времена» можно было запросто написать письмо Вождю и даже получить в той или иной форме ответ, не опасаясь, что тотчас прикатит «воронок» из фольклора и дадут любителю писать «наверх» десять лет без переписки. (Автор)
  - 15 «Электротехнический журнал» (нем.).
- ¹⁶ Успехи физических наук. 2001. Т. 171. №8. С. 886-894. (Цитата подлинная).
- ^{17} Из книги «Поэты 1880-1890 годов» (Библиотека поэта; большая серия). Л.: Советский писатель, 1972. Перевод стихотворения «К Канту» И.О.Лялечкина.
- ¹⁸ В результате либеральных реформ Александра II, очевидно, копируя английскую систему, вновь присваиваемый титул графа формально был заменен на

двойную фамилию. Опять же по английской системе двойные фамилии, равнозначные титулу графа, давались, как правило, за военные подвиги и научные открытия; отсюда Семенов-Тян-Шанский, Тимофеев-Ресовский...

- ¹⁹ То есть управляющий губернскими финансами. Действительный статский советник, согласно табели о рангах Российской империи, в гражданской службе соответствовал чину генерал-майора.
- ²⁰ Это символично; в 1410 году там же в Грюнвальдской битве литовцы в союзе с поляками и русскими разбили наголову Тевтонский орден...
- ²¹ Это самое крупное сражение начала войны на Восточном фронте было оболгано Солженицыным в «Августе 14-го». Правдивую же картину дала американская писательница Барбара Такман («Августовские пушки»).
- ²² В царской России товарищем официально именовали первого заместителя чиновника руководителя учреждения.
- ²³ Балтийское племя, родственное литовцам, было полностью уничтожено в начале второго тысячелетия немецкими орденскими рыцарями. Осталось (как и Боруссия) только географическое название.
- ²⁴ Самые популярные и массовые журналы того времени, выходившие еженедельными выпусками.
  - 25 Вооруженные силы Германской империи.
  - ²⁶ Огонь! (нем.).
- ^{27} Джюра Якшич (1832-1878); строки из стихотворения «Европе» (пер. с сербск.)

Алексей Афанасьевич ЯШИН

Главный редактор журнала «Приокские зори».

родился в 1948 году в пос. Белокаменка Мурманской области.
Окончил Тульский политехнический институт
и Литературный институт им. А.М. Горького.
Ученый-биофизик, профессор Тульского государственного университета.
Прозаик.

Автор почти трех десятков книг, сотен публикаций. Лауреат литературных премий им. Л.Н.Толстого (дважды), Н.А.Некрасова, им. Симеона Полоцкого и мн.др., кавалер орденов «М.Ю.Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Член Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член правления Академии российской литературы. В журнале «Север» публикуется впервые.

